

2^е VIII 1932 г. Кв. Погода...

ЕЖЕГОДНИКЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

Сезонъ 1896—1897 гг.

(сѣдьмой годъ изданія).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Книга 1-я.

РЕДАКТОРЪ

А. Е. Молчановъ.

ИЗДАНИЕ

Дирекціи Императорскихъ театровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, Моховая, 40.
1898.

Петръ Гавриловичъ Степановъ,
актеръ Московскаго театра.
(Биографическій очеркъ).

I.

Дѣтство въ семьѣ. — Отецъ Степанова. — М. О. Синявская и ея отношенія къ семьѣ Степановыхъ. — Первые годы дѣтства. — Бѣгство отъ французовъ. — Вліяніе М. О. Синявской. — Поступленіе въ театральное училище.

Въ области сценическаго искусства, какъ и во всякой другой отрасли примѣненія чловѣческихъ знаній, дарованій и творчества, встрѣчаются дѣятели крупныя и мелкіе, выдающіеся или заурядныя, талантливыя или бездарныя. Но, каковъ бы ни былъ сценическій дѣятель, для него постоянный и добросовѣстный трудъ является не только добрымъ помощникомъ, но и необходимымъ спутникомъ въ служеніи искусству. Лишь одаренные способностью гениальнаго творчества минуютъ иногда этотъ путь труда, — подчасъ кропотливаго, скучнаго. Вспышки гения не зависятъ отъ воли художника сцены, и горе ему, если онъ всю надежду возлагаетъ на нихъ, не трудясь и не заботясь о развитіи своихъ творческихъ силъ. Вдохновеніе не прихо-

дить по заказу; а безъ вдохновенія талантъ, не поддерживаемый трудомъ, теряетъ блескъ и силу. Съ другой стороны, артистъ, не одаренный способностью гениальнаго творчества, но сознательнымъ трудомъ развивающій свой талантъ, приобретаетъ значеніе крупнаго дѣятеля сцены и становится въ ряды знаменитостей. Дѣятельность такихъ артистовъ вдвойнѣ заслуживаетъ уваженія и памяти: и сама по себѣ, и какъ руководящій примѣръ. Кромѣ того, имена такихъ артистовъ должны быть окружены еще большимъ почетомъ, если они обладали не заурядною въ закулисномъ быту устойчивостью нравственныхъ основъ. Петръ Гавриловичъ Степановъ принадлежалъ именно къ числу такихъ артистовъ, и имя его съ такою характеристикой останется памятнымъ въ исторіи русскаго театра.

Биографія П. Г. Степанова написана мною по архивнымъ и литературнымъ даннымъ, а также, и главнымъ образомъ, по живымъ рассказамъ почтенной артистки Императорскаго Московскаго театра—Н. В. Рыкаловой, достойной преемницы сценическихъ и житейскихъ принциповъ своего дяди ¹⁾).

Въ старинномъ Московскомъ театрѣ Медокса служилъ кассиромъ или, выражаясь театральнымъ языкомъ, «капельдинеромъ при кассѣ» московскій мѣщанинъ Гаврила Степановъ ²⁾). Родился онъ приблизительно въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка. Такъ можно предполагать, судя по тому, что когда въ старости вспоминалъ онъ свои молодые годы, то часто рассказывалъ о чумѣ въ Москвѣ, во время которой ему было лѣтъ восемнадцать.

Съ театральнымъ міромъ Степановъ былъ тѣсно связанъ не только по службѣ, но и благодаря близости своей къ знаменитой актрисѣ того времени—Марьѣ Степановнѣ Синявской. Трудно сказать, въ силу чего возникли и чѣмъ укрѣпились эти отношенія, но Степановъ былъ у Синявской вполне своимъ, домашнимъ чловѣкомъ. Можно предполагать, что служба его, въ молодости, пѣвчимъ у графа Шереметева случилась, благодаря ея покровительству, которое, несомнѣнно, имѣло также вліяніе и на поступленіе его впослѣдствіи въ театръ Медокса. Степановъ, со всей своей семьей, постоянно жилъ у

¹⁾ Въ Московской конторѣ Императорскихъ театровъ, по наведеннымъ мною справкамъ, ни «дѣла», ни какихъ-либо иныхъ документальныхъ подробностей о служебно-артистической дѣятельности Степанова не оказалось.

²⁾ До двѣнадцатаго года Гаврила Степановичъ носилъ другую фамилію; но во время французскаго нашествія онъ потерялъ свой паспортъ и съ тѣхъ поръ получилъ фамилію Степанова.

Синявской; а передъ «французскимъ гомомъ» управлялъ ея домоу, на Якиманкѣ, въ приходѣ Казанской церкви. Отношенія эти отразились и на всемъ складѣ жизни Степанова и его семьи, на которую Синявская имѣла громадное вліяніе во всемъ, не исключая вопроса воспитанія дѣтей.

Гаврила Степановичъ былъ женатъ на дочери одного плѣннаго грека, Йоганна Бурдука, Степанидѣ Ивановнѣ, красавицѣ собою. Бурдукъ такъ же, какъ и Степановъ, служилъ въ пѣвчихъ у графа Шереметева. Отъ этого брака, въ числѣ другихъ дѣтей, рѣдился и Петръ Гавриловичъ. Годъ рожденія его, — приблизительно, — 1806 или 1807 ³⁾. Неизвѣстно также, въ Москвѣ-ли рѣдился Петръ Гавриловичъ или въ Петербургѣ, гдѣ въ то время была Синявская, вмѣстѣ съ которой могли тамъ жить и Степановы ⁴⁾.

Первые годы дѣтства П. Г. Степанова прошли въ тѣсномъ соприкосновеніи съ театральной средой, знаменитѣйшія представительницы которой — Синявская и Семенова близко стояли къ семьѣ Степановыхъ. Семенова была крестной матерью Петра Гавриловича и другихъ дѣтей Степановыхъ, кромѣ ихъ дочери Аграфены Гавриловны, впоследствии Рыкаловой, которую крестила Синявская. Старшая сестра Петра Гавриловича, Татьяна Гавриловна, во время пріѣздовъ Семеновой въ Москву и въ Петербургѣ, жила у нея, «начитывала» ей обыкновенно роли и завѣдывала ея гардеробомъ и всѣми вещами, касающимися сцены, за что и получала двадцать пять рублей въ мѣсяцъ жалованья ⁵⁾. А у Синявской семья Степановыхъ жила, можно сказать, безвыходно; въ особенности же дѣти: Петръ и сестры его — Аграфена, Пелагея и Александра.

Семейная обстановка благоприятствовала ребенку. Отецъ его былъ чловѣкъ хорошій, честный и справедливый; вся семья была работающая; всѣ жили дружно и сохраняли взаимную привязанность до самой смерти. Живые примѣры воспитывали въ ребенкѣ уваженіе къ трудовой жизни, зарождали зачатки благородныхъ правилъ и честныхъ убѣжденій. При этихъ условіяхъ

³⁾ Въ формулярномъ спискѣ о службѣ Степанова, копія котораго сохранилась у Н. В. Рыкаловой, не обозначено, сколькихъ лѣтъ поступилъ Степановъ въ театральную школу; указано только, что Степановъ умеръ 63 лѣтъ отъ роду, 12-го мая 1869 года. День рожденія Степанова, по словамъ Н. В. Рыкаловой, — 13-го іюня.

⁴⁾ Н. В. Рыкалова подтверждаетъ, что они переѣзжали туда, когда Синявская (подъ фамиліей Сахаровой) поступила на службу въ Петербургскій театр (въ 1801 г.).

⁵⁾ Отношенія Семеновой къ семьѣ Степановыхъ возникли, по всей вѣроятности, черезъ Синявскую, которая была въ большой дружбѣ съ Семеновой, такъ же, какъ и съ Е. С. Сандуновой.

росъ Степановъ лѣтъ до десяти, до самаго поступленія своего въ театральное училище. Французское нашествіе на Москву застало Степанова пятилѣтнимъ мальчикомъ и оставило въ его памяти воспоминаніе объ эпизодѣ бѣгства изъ столицы. Степановы жили въ то время въ домѣ Синявской, на Якиманкѣ. Военная гроза напугала москвичей, и они потянулись изъ города цѣлыми обозами. Собрались бѣжать и Синявская съ Степановыми. Всѣ цѣнныя вещи уложили въ сундуки и зарыли въ подвалахъ приходской церкви, вмѣстѣ съ церковными предметами. Незадолго передъ тѣмъ Синявская получила пенсіонъ, и все — мѣдными деньгами, которыхъ ей привезли чуть не цѣлый возъ. Петръ Гавриловичъ помнилъ, какъ они пробирались изъ Москвы въ Ащажниково, имѣніе графа Шереметева. Отъ графа былъ данъ приказъ управляющему Корещенкову выслать за ними лошадей, принять и содержать пріѣзжихъ. Однако, добраться до деревни пришлось не безъ приключеній. Изъ Москвы пошли пѣшкомъ, ночью. Маленькаго Петю и сестру его, Аграфену, (года на два старше брата) везли въ ручной телѣжкѣ; съ ними вмѣстѣ возсѣдалъ и крошечный внукъ Синявской, Андрюша, будущая знаменитость русской публицистики, будущій издатель «Голоса» — Краевскій ⁶⁾. Чтобы не сбиться съ дороги, они взяли «за синюю ассигнацію» проводника, и онъ велъ ихъ черезъ Сокольничью рощу и дальше лѣсомъ. Но верстахъ въ пятнадцать отъ Москвы бѣглецы всетаки попались врагу. Французы не пропустили ихъ даромъ: съ старика Степанова стащили сапоги, а Аграфену Гавриловну поили водкой отъ лихорадки. Такимъ-то образомъ, подъ страхомъ, добрались они до Троицы-Сергія, а оттуда уже отвезли ихъ въ Ащажниково, Ярославской губерніи. Когда французы покинули Москву, въ нее возвратились и Синявская съ Степановыми. Домъ ея былъ разграбленъ, вещи и деньги, по доносу звонаря или кого-то другого, были разворованы и она поселилась на Никольской, въ домѣ Шереметева. Лѣтомъ Синявская жила обыкновенно въ Кусковѣ, въ графскомъ паркѣ, занимая тамъ, такъ называемый, «Мыльный домикъ».

Театральная служба Гаврилы Степановича къ тому времени уже прекратилась, и, возвратясь въ Москву, онъ открылъ табачную лавочку, въ томъ мѣстѣ Солянки, гдѣ эта улица дѣлаетъ уголъ, поворачивая отъ Варварской площади къ Опекунскому Совѣту ⁷⁾. У Петра Гавриловича навсегда сохранились воспоминанія объ этомъ уголкѣ, напоминавшемъ ему частицу его дѣтства;

⁶⁾ Сынъ дочери Синявской, Варвары Николаевны.

⁷⁾ Рядомъ съ домоу нынѣшняго Сербскаго подворья.

и, когда, бывало, случалось ему впоследствии проходить мимо, онъ не пропускалъ случая зайти въ памятную лавочку и что-нибудь купить тамъ. Главнымъ же мѣстомъ, гдѣ протекло дѣтство Степанова до поступления его въ школу, былъ по прежнему домъ Синявской, и потому небольшая характеристика послѣдней необходима.

Артистическое поприще Синявской относится къ блестящему періоду Медоксова театра, когда въ его труппѣ группировались лучшія силы стариннаго русскаго театра. Синявская посвятила сценѣ много лѣтъ своей жизни, но лучшая пора ея дѣятельности относится къ тому времени, о которомъ сохранились скудныя историческія свѣдѣнія и почти никакихъ воспоминаній. Съ 1801 года Синявская, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ Сахаровымъ, служила лѣтъ десять на Петербургской сценѣ⁸⁾. Одинъ изъ театральныхъ лѣтописцевъ, П. Н. Араповъ, заставшій Синявскую въ живыхъ и, по всей вѣроятности, видѣвшій ее, характеризуетъ ее, какъ знаменитую трагическую актрису, съ звучнымъ и мягкимъ голосомъ, съ выразительнымъ лицомъ, съ величественной фигурой, съ игрою, проникнутой глубокимъ чувствомъ⁹⁾. Другой современникъ, злой на языкъ и не всегда безпристрастный, Ф. Ф. Вигель, говоритъ о Синявской: «Пусть представляютъ себѣ Дидоной рязанскую или симбирскую помѣщицу, уже пожилыхъ лѣтъ, мало знакомую съ столицей и великую охотницу декламировать: это была г-жа Сахарова»¹⁰⁾.

Что касается до ума и таланта Синявской, они не подлежатъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ можно судить и по немногимъ отзывамъ такихъ современниковъ, какъ Карамзинъ, и по продолжительности артистической карьеры ея на первомъ амплуа.

Воспоминанія Степановыхъ и Н. В. Рыкаловой, которая помнитъ Синявскую, характеризуютъ ее, какъ человѣка. Вопреки словамъ Арапова о величественности фигуры Синявской, въ этихъ воспоминаніяхъ,—относящихся, впрочемъ, къ ея старости,—она рисуется, какъ изящная, нѣжная, худенькая,

⁸⁾ «Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ», вып. I, отд. I, стр. 121; отд. II, стр. 651; отд. III, стр. 40. Здѣсь Синявская-Сахарова именуется урожденной Макаровой.

⁹⁾ П. Араповъ и А. Ропольтъ. «Драматическій Альбомъ», стр. XLVI.»

¹⁰⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля (изд. «Русскаго Архива», т. I, стр. 172). Дальше Вигель прибавляетъ: «Какъ въ дочери г-жи Синявской, первой женщины, которая у насъ въ Россіи согласилась выступить на сцену и нѣкогда блистала въ «Хоревѣ», «Синавѣ и Труворѣ», въ ней (въ Сахаровой, т. е. въ Синявской) особенно уважалась ея кулисная знатность». Очевидно, Вигель считалъ Синявскую дочерью самой себя и перепуталъ ея имя съ именемъ Троепольской.

сѣдая старушка съ голубыми глазами¹¹⁾. До старости она сохранила стройность настолько, что съ нею могли происходить такіе случаи. Идетъ она какъ-то разъ изъ своей квартиры, на Никольской, ко всенощной въ Богоявленскій монастырь и вдругъ слышитъ, что сзади пристаетъ къ ней какой-то ловеласъ; чтобъ охладить его, Синявская обернулась, приподняла свою шляпу и промолвила: «Голубчикъ, вѣдь я старуха!»

Добрая и нѣжная Синявская баловала дѣтей Степановыхъ, какъ своихъ родныхъ. Н. В. Рыкалова помнитъ, какъ, ребенкомъ пяти-шести лѣтъ, бывала у Синявской,—и на ея квартирѣ въ Москвѣ, и въ Кусковѣ,—какъ Синявская угощала ее всегда конфетами и всякими гостинцами, какъ давала всегда денегъ на извощика, «чтобы Наденька не шла пѣшкомъ». Двѣ сестры Синявской, Ульяна и Александра, считались также небезызвѣстными въ свое время актрисами. Сама Синявская имѣла отношеніе къ театру графа Шереметева, какъ режиссеръ и учитель графской крѣпостной труппы. Подъ ея руководствомъ занималась и знаменитая Жемчугова, Прасковья Ивановна, впоследствии жена графа Н. П. Шереметева. Отъ графа Марья Степановна получала пенсію, квартиру и все содержаніе. Доживъ до глубокой старости, Синявская умерла неожиданно: переходя какъ-то по комнатѣ отъ камина, она упала и отдала Богу душу. Это случилось въ Кусковѣ,—приблизительно,—въ 1829 году. Усопшую перевезли въ каретѣ въ Москву, въ ея городскую квартиру, и потомъ похоронили на Ваганьковскомъ кладбищѣ¹²⁾.

Подъ благотворнымъ вліяніемъ умной и доброй Марьи Степановны, подъ впечатлѣніемъ ея разказовъ о театральномъ прошломъ—Степановъ росъ, учился въ школѣ и служилъ первые годы на сценѣ. Большое вліяніе имѣла на него также старшая его сестра, Татьяна Гавриловна, чтица Семеновой, дѣвушка умная и серьезная, начитанная, любившая театръ до безумія.

Когда наступила пора подумать о будущемъ, вполне естественно, что мысль старшихъ въ семьѣ, сжившихся съ закулисной средой, остановилась на театальной карьерѣ для маленькаго Степанова. Покровительство крест-

¹¹⁾ Существовали два портрета-медальона Синявской, правдиво передавашіе черты ея лица.

¹²⁾ По словамъ Н. В. Рыкаловой, М. С. Синявская погребена была около прежней церкви, а впоследствии наискось отъ ея могилы похоронена была ея дочь, В. Н. фонъ-дербъ Паленъ. Въ прежніе годы надъ могилой Синявской лежала большая бѣлая плита съ высѣченною на ней надписью; теперь же, несмотря на самые тщательные поиски, я не могъ разыскать слѣдовъ могилы Синявской.

ной матери, сильной тогда закулисами, помогло определить мальчика в Московское театральное училище, куда онъ и былъ принятъ 1-го іюня 1817 года ¹³⁾.

Съ этого дня начинается второй періодъ вѣ жизни П. Г. Степанова.

II.

Восемь лѣтъ вѣ театральномъ училищѣ. — Порядки и нравы. — Курсъ образованія. — Внешняя обстановка. — Свѣтлыя стороны. — Дѣтскія шалости и проказы. — Друзья и товарищи. — Школьные спектакли. — *Θ. Θ. Кокочкинъ и М. Д. Львова-Синецкая;* ихъ значеніе для учащихся вѣ школѣ.

Театральное училище того времени, съ его нравами и порядками, было той суровой школой, пройдя которую можно было подготовить себя, если не къ артистической дѣятельности, то, по крайней мѣрѣ, къ перенесенію разныхъ житейскихъ невзгодъ. И, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія обстановки, несмотря на всю недостаточность школьнаго образованія, изъ училища того времени вышло не мало артистовъ, ставшихъ вѣ первыхъ рядахъ дѣятелей русской сцены. Степановъ провелъ вѣ училищѣ восемь лѣтъ, и вѣ эти годы развилась и окрѣпла вѣ немъ любовь къ искусству, укоренилась привычка къ самостоятельной работѣ. Разсказы самого Степанова, сохранившіеся вѣ памяти Н. В. Рыкаловой, воспоминанія его однокашника и закадычнаго друга-пріятеля В. И. Живокини ¹⁴⁾ и др., наконецъ, нѣкоторыя архивныя свѣдѣнія—все это даетъ возможность болѣе или менѣе подробно познаться съ школьною жизнью и обученіемъ того времени.

Театральное училище помѣщалось тогда на Волконкѣ, близъ нынѣшней площади храма Христа Спасителя, вѣ домѣ Есипова ¹⁵⁾. Помѣщеніе школы было маленькое, тѣсное, и воспитанники проводили большую часть времени вѣ театрѣ ¹⁶⁾. Учили вѣ школѣ, по выраженію Живокини, «кое-какъ и кое-чему». Сохранившееся росписаніе занятій (хотя и нѣсколько позднѣйшаго времени)

¹³⁾ Копія съ формулярнаго списка о службѣ П. Г. Степанова.

¹⁴⁾ Воспоминанія В. И. Живокини (1807—1874), знаменитаго комика-буффъ Московской сцены, напечатаны вѣ «Антрактѣ», 1864 г., и перепечатаны В. И. Родиславскимъ вѣ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1874 г., №№ 21—27.

¹⁵⁾ Вѣ недавнее время вѣ этомъ домѣ обитало недолго Московское Общество Искусства и Литературы. Затѣмъ школа была переведена на Поварскую (гдѣ нынѣ Дворянская богадѣльня), отсюда—вѣ помѣщеніе теперешней конторы Императорскихъ театровъ и, наконецъ,—вѣ свое нынѣшнее помѣщеніе, на Неглинной, наискось отъ Малаго театра.

¹⁶⁾ У Арбатскихъ воротъ.

даетъ довольно точное понятіе о «курсѣ» школьной премудрости ¹⁷⁾. Вѣ программу преподаваемыхъ предметовъ входили: Законъ Божій, російская словесность, русскій языкъ, французскій языкъ, исторія, географія, пѣніе, музыка, танцы, фехтованіе и рисованіе. Русскій языкъ, словесность, исторія и географія преподавались однимъ учителемъ, и, понятно, курсъ ихъ былъ не изъ обширныхъ. Изъ распределенія занятій видно, что главнымъ образомъ время тратилось на танцы. Тоже видно изъ программы экзаменовъ вѣ училищѣ нѣсколько лѣтъ спустя ¹⁸⁾. Испытаніе представляло собою большой дивертиссементъ изъ пѣнія, музыки и балета. Самымъ обширнымъ было отдѣленіе танцевъ. Финалъ его, при участіи воспитанниковъ и воспитанницъ, служилъ нагляднымъ доказательствомъ, что балетъ является тѣмъ горниломъ, чрезъ которое обязательно проходили всѣ ученики и ученицы театральной школы, хотя изъ нихъ многіе оказывались вѣ послѣдствіи хорошими драматическими или оперными артистами.

Эти свѣдѣнія относятся къ 1826 и 1830 гг., когда директоромъ театра былъ просвѣщенный любитель искусства Кокочкинъ ¹⁹⁾. А вѣ то время, когда поступилъ Степановъ, курсъ обученія былъ еще сокращеннѣе. Но и вѣ усвоеніи этихъ скудныхъ знаній воспитанники были предоставлены самимъ себѣ. Экзаменовъ никакихъ не было, и начались они только со времени дирекціи Кокочкина. Къ тому же, присмотръ былъ плохой, и можно было избѣгать тѣхъ уроковъ, которые не нравились; такъ, напримѣръ, Степановъ и Живокини отдѣлывались отъ танцевальныхъ классовъ. По такимъ предметамъ, какъ французскій языкъ, учитель получалъ жалованье, но ученики и вѣ глаза его никогда не видали. Усерднѣе всего занимались воспитанники у Калайдовича—по русскому языку и словесности. Происходило это, можетъ быть, потому, что дѣти видѣли со стороны учителя вниманіе къ себѣ, чувствовали его желаніе пріохотить и поощрить ихъ. Да и Калайдовичъ былъ не чета другимъ учителямъ. Впрочемъ, вѣ старшемъ классѣ и здѣсь пошло хуже. Нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ не удовлетворяло такое преподаваніе, и потребность болѣе широкаго развитія приводила ихъ вѣ

¹⁷⁾ Ежедневный рапортъ инспектора училища Императорскаго Московскаго театра, отъ 8-го февраля 1826 года. (Изъ собранія А. А. Ярцева).

¹⁸⁾ Программа испытанія вѣ Маломъ театрѣ, 1830 года. (Изъ того же собранія).

¹⁹⁾ *Θедоръ Θедоровичъ Кокочкинъ* (1773—1838)—писатель, переводчикъ «Мизантропа», предсѣдатель Общества Любителей Російской Словесности, актеръ-любитель; съ 1823 г.—членъ по репертуарной части, съ 1831 г.—директоръ Московскаго театра.

университетскую аудиторію; изъ воспитанниковъ, ходившихъ слушать лекціи въ университетъ, Живокини указываетъ на Павлова (Н. Ф.), Сабурова и Потанчикова ²⁰⁾.

Внѣшней обстановкой и вовсе не баловали воспитанниковъ: и голода, и холода терпѣли они не мало. Одѣвали ихъ въ зеленныя куртки изъ грубой и толстѣйшей байки; воспитанницы носили «затрапезныя» платья. На улицу воспитанники выходили во фризовыхъ шинеляхъ, представлявшихъ цѣлое сооруженіе съ тремя воротничками-капишонами. Отъ школьной пищи у будущихъ служителей и служительницъ музъ «подводило животы»: экономическія соображенія школьнаго эконома сводили питаніе ихъ къ полуголоду; а жаловаться было некому, такъ какъ экономъ приходился отцомъ инспектору училища ²¹⁾. Утромъ полагался стаканъ сбитня и горбушка булки, разрѣзанная на четыре части, на завтракъ давали кусокъ чернаго хлѣба, а обѣдъ и ужинъ состоялъ изъ двухъ скудныхъ блюдъ. А что это была за пища, видно изъ слѣдующаго случая. Какъ-то, прѣхавъ изъ театра, воспитанники набросились на гречневую кашу, хорошо, повидимому, промасляную, стали уничтожать ее и — о, ужасъ! — сдѣлали неожиданное открытіе: со дна чашки извлекли огарокъ сальной свѣчки. Когда голодъ особенно донималъ кого-нибудь изъ воспитанниковъ, тотъ шелъ или къ роднымъ, или къ Кокошкину, — какъ будто за ролью или по дѣлу, а въ сущности затѣмъ, чтобы сытно пообѣдать. Случалось и Петру Гавриловичу съ репетиціи, въ танцевальныхъ башмакахъ и фризовой шинели, бѣгать домой попить чайку и позавтракать. Иные уходили, такъ сказать, въ «отхожія промыслы»: давать уроки пѣнія, музыки и танцевъ; ихъ ожидало вездѣ обильное угощеніе, а въ особенности выпивка. Степанова это не соблазняло: онъ никогда не пилъ вина.

При такой постановкѣ образованія и внѣшнихъ условій жизни тянулся для каждаго воспитанника изо-дня въ день цѣлый десятокъ лѣтъ. Но должно же было существовать въ школьномъ быту что-нибудь такое, что оживляло бы эту сѣрую картину, вносило бы свѣтъ и радости въ воспитаніе будущихъ

²⁰⁾ Николай Филипповичъ Павловъ — вполнѣдствіи писатель и чиновникъ, умеръ въ Москвѣ 29-го марта 1864 года. Алексѣй Михайловичъ Сабуровъ — извѣстный московскій актеръ, родился въ 1800 году, умеръ 18-го іюня 1831 года. Ѳедоръ Семеновичъ Потанчиковъ — московскій актеръ, родился въ 1800 году, умеръ въ 1871 году (Воспоминанія Потанчикова о школѣ записаны М. П. Садовскимъ и напечатаны въ «Артистѣ», 1890, № 3).

²¹⁾ Инспекторомъ школы служилъ тогда И. П. Петровъ, бывший актеръ драматической труппы.

артистовъ. Оно и было такъ. Юные годы брали свое, и дружнымъ товарищамъ жилось не сытно, но весело. Дѣтскія шалости и проказы оживляли непривѣтливую обстановку школы, а школьные спектакли поддерживали разгоравшуюся любовь къ искусству и сценѣ. Наконецъ, самымъ отраднымъ явленіемъ въ жизни школьниковъ было доброе отношеніе къ нимъ Кокошкина, въ домъ котораго былъ открытъ имъ всегда доступъ. Все это смягчало вліяніе жесткаго школьнаго режима и освѣжало затхлую атмосферу училищнаго житья-бытья.

Близкими товарищами Степанова въ школѣ были: Живокини, Никифоровъ ²²⁾, Скворцовъ (музыкантъ), Сухоруковъ (второстепенный актеръ), а изъ старшихъ — Рязанцевъ, Сабуровъ и Павловъ («профессоръ», какъ его называли); въ особенности же неразлучная дружба связывала Степанова съ Живокини и съ Никифоровымъ. Живокини и Степановъ превосходили въ школьныхъ шалостяхъ остальныхъ воспитанниковъ; они были необыкновенно изобрѣтательны на всевозможныя выдумки и продѣлки и уже тогда выделялись остроуміемъ. Никифоровъ же, напротивъ, отличался большою скромностью, и друзья часто потѣшались надъ нимъ. Послѣдній съ дѣтства былъ замѣчательно аккуратенъ; вотъ онъ, бывало, развѣситъ чинно свой костюмъ, а придетъ пора одѣваться, — смотреть, — рукава сюртука сшиты вмѣстѣ: досада и товарищеская перепалка. Всѣхъ подобныхъ проказъ и не перечесть!

Много и постоянно шалили дѣти и часто больно платились за это; «березовая каша» и другія педагогическія мѣры въ этомъ духѣ считались тогда необходимостью воспитанія, и Степанову особенно счастливилось по этой части. Вотъ нѣсколько школьныхъ продѣлокъ. Стащили какъ-то друзья изъ театра, гдѣ были заняты въ балетѣ, фейерверкъ, снесли его въ школу и подъ лѣстницей зажгли: хлынулъ дымъ, всѣ разбѣжались, а Степановъ попался и получилъ должную кару. Въ другой разъ, лежать Степановъ съ Живокини на подоконникѣ въ школѣ и смотреть на троттуаръ, гдѣ стоятъ разношникъ съ яблоками; пріятели немедленно превращаются въ пиратовъ: Степановъ закидываетъ внизъ нитку съ крючкомъ изъ булавки и тащитъ у зазѣвавашагося разношника яблоко... Вотъ, на бѣду, проходитъ по улицѣ и видитъ эту сцену управляющій конторой Сухопрудскій... и Степановъ получаетъ «березовое угощеніе».

²²⁾ Николай Матвѣевичъ Никифоровъ (1805 — 1880) прославился вполнѣдствіи, подобно Степанову, какъ «большой артистъ на маленькія роли».

Школьные спектакли имѣли для воспитанниковъ то несомнѣнное значеніе, что приучали ихъ къ сценѣ и давали случай самостоятельно работать. Ближайшихъ руководителей въ этомъ дѣлѣ у нихъ почти не было и приходилось изощряться самимъ. Даже въ послѣдніе годы ученья Степанова, при Кокоскинѣ, когда преподавалъ драматическое искусство режиссеръ Фрыгинъ, воспитанники ничего не усваивали, кромѣ мертвящей рутины; учитель не умѣлъ познать учениковъ съ театральнымъ искусствомъ и пристрастить ихъ къ нему. Въ 1822 году пріѣхалъ на гастроли въ Москву Сосницкій, и, когда вышелъ на сцену, то, по признанію Живокіни, это было для воспитанниковъ положительно диковинкой: на сценѣ, къ ихъ удивленію, двигался и разговаривалъ самый обыкновенный человѣкъ, а не тотъ ходячій напыщенный манекень, какимъ они привыкли представлять себѣ актера.

Кромѣ спектаклей, лучшимъ удовольствіемъ,—прямо сказать, праздникомъ,—было для воспитанниковъ посѣщеніе дома Кокоскина. Въ исторіи Московскаго театра Кокоскину принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, и время его директорства—цвѣтущая пора Московскаго театра. Изъ всѣхъ, кому приходилось управлять судьбами русскаго театра, Кокоскинъ былъ, послѣ князя А. А. Шаховскаго, самымъ преданнымъ сценическому искусству, преданнымъ искренно и горячо. При этомъ же, Кокоскинъ былъ для своего времени очень просвѣщеннымъ и гуманнымъ человѣкомъ. Этимъ обуславливались его взгляды на театръ, на актеровъ, на воспитанниковъ. Много добра сдѣлалъ онъ имъ, многихъ поставилъ на ноги и пустилъ на широкую дорогу. Въ домѣ Кокоскина собирались представители образованнаго общества двадцатыхъ годовъ; интересы литературы, театра, общественной жизни были имъ близки, и на эти темы шли здѣсь живыя бесѣды. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые бывали у Кокоскина, знакомились тутъ съ совершенно инымъ міромъ, вліявшихъ на ихъ развитіе. Конечно, на балахъ и обѣдахъ они являлись слишкомъ неравными остальнымъ гостямъ, и отношеніе къ нимъ Кокоскина было, по тогдашнимъ взглядамъ, «отеческое»; а это отношеніе не исключало возможности для кого-нибудь изъ воспитанниковъ стоять во время обѣда за стуломъ гостя съ тарелкою въ рукахъ. ²⁶⁾ Но это была одна сторона дѣла, нисколько не противорѣчившая современнымъ понятіямъ объ актерахъ, а тѣмъ болѣе о воспитанникахъ; да и послѣднихъ, вышедшихъ

²⁶⁾ О. С. Аксакова, жена С. Т. Аксакова, разсказывала, что за обѣдами у Кокоскина ставилъ за ея стуломъ тотъ самый Н. Ф. Павловъ, котораго товарищи называли «профессоромъ» («Русскій Архивъ», 1894, № 1, стр. 120, примѣч.).

большую частью изъ самой простой среды, такое отношеніе не оскорбляло, — напротивъ, они сами стремились услужить своему директору. Другая же сторона заключалась въ той пользѣ, которую приносилъ Кокоскинъ воспитанникамъ покровительствомъ своимъ, своею чуткостью въ опредѣленіи сценическихъ способностей, своимъ пониманіемъ театральнаго искусства. У Кокоскина былъ своего рода пріютъ для тѣхъ изъ начинавшихъ, у кого не было куда приклонить голову, а былъ талантъ, и которымъ необходимо было учиться. Къ такимъ принадлежалъ, на примѣръ, знаменитый пѣвецъ Н. В. Лавровъ. Жили тутъ Козловскій, Виноградскій и др. Возили воспитанниковъ и въ подмосковную Кокоскина—Бедрино, гдѣ давались праздники и спектакли.

Въ томъ же домѣ Кокоскина было еще лицо, покровительствовавшее воспитанникамъ, — М. Д. Львова-Синецкая, человѣкъ удивительно доброй души, большого ума и теплаго сердца; она ближе, чѣмъ Кокоскинъ, не по-барски, понимала нужды и потребности будущихъ артистовъ. Марья Дмитріевна Львова-Синецкая, жившая тогда съ Кокоскинымъ, прекрасная актриса того времени, являлась для нихъ заступникомъ и ходатаемъ передъ директоромъ; она обогрѣвала ихъ своимъ привѣтомъ и ласкою, прорѣзывая свѣтлымъ лучемъ темноту ихъ школьнаго прозябанія. Чтобъ оцѣнить ея заслугу, достаточно сказать, что ея покровительству многимъ были обязаны въ юные годы такіе артисты, какъ Самаринъ, Шумскій, Живокіни, Степановъ.

Къ семьѣ Степановыхъ Марья Дмитріевна имѣла и болѣе близкое отношеніе. Какъ-то въ театральномъ училищѣ она увидѣла въ числѣ воспитанницъ сестру Петра Гавриловича, Аграфену Гавриловну. «Ахъ, какая хорошенькая!»—воскликнула Синецкая, при взглядѣ на нее, и упросила Кокоскина отдать ей дѣвочку. Съ тѣхъ поръ Аграфена Гавриловна поселилась у Синецкой и подъ руководствомъ ея, Кокоскина и Шаховскаго готовилась къ сценѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и дѣвочка выровнялась въ высокую, стройную красавицу, съ черными жгучими глазами, съ веселымъ нравомъ и доброй душой. Въ то время пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, для поступленія на здѣшнюю сцену, Василій Васильевичъ Рыкаловъ, сынъ знаменитаго комика Василя Ѳедотовича Рыкалова. Поселившись тоже у Кокоскина, онъ познакомился съ Аграфеной Гавриловной, влюбился въ нее и женился на ней. Отъ этого брака родилась дочь—Надежда Васильевна Рыкалова. ²⁷⁾ Произошло это еще до выпуска Петра Гавриловича изъ школы.

²⁷⁾ 10-го іюля 1824 года.

III.

Первые годы службы.—Степановъ—глава семьи.—Рыкаловы.—Первые отзывы критики.—Выдающіяся роли первыхъ лѣтъ.—«Ты и вы»,—«Старый гусарь».—«Ложная Каталани».—Собака Степанова въ «Обрѣвой собакѣ».

«5-го іюля 1825 года Степановъ, по выпускѣ изъ школы, опредѣленъ на службу актеромъ драматической труппы»,—какъ гласитъ его формулярный списокъ. О выпускѣ юнаго артиста хлопотала сестра его, Аграфена Гавриловна, вышедшая изъ училища раньше ²⁸⁾ и уже служившая въ драматической труппѣ. Въ семьѣ Степановыхъ тогда не было главы-работника, потому что старикъ Степановъ день ото дня дряхлѣлъ ²⁹⁾, а Вас. Вас. Рыкалова не было уже въ живыхъ, и Петру Гавриловичу предстояло покончить дѣла заведенной Рыкаловымъ литографіи. Выступивъ на Московской сценѣ, Рыкаловъ быстро приобрѣлъ извѣстность, какъ исполнитель комическихъ ролей и ролей молодыхъ людей; въ этомъ амплу онъ былъ предшественникомъ А. М. Сабурова и С. В. Шумскаго. Одно время, по назначенію Кокошкина, Рыкаловъ, несмотря на свою молодость, исполнялъ режиссерскія обязанности. Пораженный давно гнѣздившейся въ немъ чахоткой, онъ умеръ въ молодыхъ годахъ, 20-го марта 1825 года. Рыкаловъ, съ самой свадьбы, поселился въ семьѣ Степановыхъ; у нихъ же осталась, послѣ смерти мужа, съ своею малюткой-дочкой и Аграфена Гавриловна. Петра Гавриловича связывали съ нею самыя дружескія отношенія до конца ея жизни. ³⁰⁾ Аграфена Гавриловна принадлежала къ тѣмъ сценическимъ дѣятелямъ, для которыхъ театръ не замѣняетъ собою всю жизнь; она, напротивъ, не любила сцены, хотя и родилась, и воспиталась въ театральной средѣ. Не обладая выдающимся талантомъ, она, однако, могла бы занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ, благодаря чисто вѣшнымъ даннымъ; ея амплу было—роли молодыхъ героинь, въ родѣ Офеліи, Эдельмоны (Дездемоны) и др. Скромная, добрая, живая и веселая, она много выносила закулисныхъ неприятностей, въ силу своей прекрасной наружности греческаго типа. Это еще больше увеличивало ея нерасположеніе къ сценѣ, которое она старалась внушить съ самаго дѣтства и своей дочери.

Въ театральномъ училищѣ издавна былъ заведенъ обычай давать дебюты воспитанникамъ и воспитанницамъ, и затѣмъ оставлять ихъ еще въ школѣ до

²⁸⁾ Дебютировала она въ концѣ 1821 года, въ Эдельмонѣ (Дездемонѣ).

²⁹⁾ Умеръ въ 1826 году.

³⁰⁾ Аграфена Гавриловна умерла 28-го мая 1840 года.

выпуска. Изъ товарищей Степанова такъ было съ Живокини и Рязанцевымъ. А бывало и такъ, что воспитанникъ зачислялся формально на службу, а продолжалъ состоять въ училищѣ. Это выпало, между прочимъ, на долю Степанова. Изъ сохранившейся рукописной афиши того времени видно, что Степановъ участвовалъ въ экзаменаціонномъ спектаклѣ училища 9-го августа 1826 года, т. е. больше года спустя послѣ поступления на службу, и игралъ роль секундъ-маіора Искрина въ комедіи А. А. Шаховскаго «Своя семья»; въ испытательномъ спектаклѣ передъ выпускомъ изъ школы, 20-го марта 1825 года, онъ игралъ роль слуги въ пьесѣ Шаховскаго «Тетушка».

Отношенія къ школѣ и вообще къ школьному міру, къ товарищамъ и т. д. поддерживались и не прерывались въ тогдашнее время и послѣ выпуска. Какъ свидѣтельство соблюдавшихся дружескихъ отношеній между однокашниками, сохранилась одна шуточная записка В. И. Рязанцева къ своимъ младшимъ сотоварищамъ по школѣ. Записка эта, на полулистѣ старинной синей бумаги, носитъ дату: 18^{IV}/₈25, т. е. 5-го апрѣля 1825 года. Тогда Рязанцевъ уже года два игралъ на сценѣ и входилъ въ славу. Текстъ записки слѣдующій: «Василію Ребристову. Петру Степанову. Итальянцу Живокини. Приказъ. Явиться сейчасъ въ главную квартиру моего штаба для установливанія машины, подъ названіемъ самокачалки на воздухѣ. За послушаніе будетъ наказаніемъ арестъ; также не должно медлить, а явиться тотчасъ по полученіи сего приказа, ибо самоваритель стоитъ на столѣ и ожидаетъ, дабы нагрѣть ваши внутренности. Князь Михаилъ». «Князь Михаилъ», по свидѣтельству П. Г. Степанова, и былъ Рязанцевъ.

Итакъ, житейская роль, предназначавшаяся Степанову по выходѣ изъ училища, была роль кормильца семьи, добычника. А ресурсы у юноши для этого были очень жалкіе; выпущенъ онъ былъ на жалованье 200 рублей ассигнаціями въ годъ, по нашему счету около 60 рублей. На эти деньги и одному-то трудненько было прожить, а не только поддерживать семью. Къ счастью, какъ я уже говорилъ, семья была и дружная, и работающая; всѣ сестры были заняты какимъ-нибудь дѣломъ. Аграфена Гавриловна служила и получала 1.400 рублей въ годъ жалованья; послѣ смерти мужа ей данъ былъ бенефисъ, какъ единовременное пособіе: шла «Буря» ³¹⁾, и Мочаловъ выносилъ на сцену маленькую дочь Рыкаловой. Татьяна Гавриловна и остальные сестры работали,—кто что могъ и умѣлъ, а руки у нихъ были у всѣхъ «золотыя».

³¹⁾ Въ передѣлкѣ князя А. А. Шаховскаго.

Ничтожному жалованью Степанова вполне соответствовало и его положение в труппе, как артиста. Первое время роли давали ему самые незначительныя, въ которыхъ рѣшительно нельзя было проявить своихъ способностей. Но и тогда, если роль случалась изъ тѣхъ, надъ которыми можно было поработать, Степановъ выдѣлялъ ее своей игрой. «П. Степановъ въ роли Глюкмана былъ очень хорошъ. Хотя это не характеръ, а карриатура; но, играя ее съ такимъ совершенствомъ, онъ много общается въ будущемъ»,— писалъ о немъ въ 1828 году С. Т. Аксаковъ, по поводу исполненія имъ роли въ оперѣ-водевилѣ «Пять лѣтъ въ два часа или Какъ дороги утки»³²⁾. Въ другой рецензіи, по поводу водевиля «Внучатный племянникъ», поставленнаго въ 1830 году, Аксаковъ замѣчаетъ: «Г. Живокини и П. Степановъ выполнили свои неважныя роли прекрасно»³³⁾. Эти первые отзывы, указывая на критическое пониманіе рецензента, характеризовали вкратцѣ свойства таланта Степанова и обозначали его артистическій путь. Создавать изъ карриатуръ или изъ едва очерченныхъ типовъ живыя лица, «неважныя» роли выдѣлять на первый планъ — сдѣлалось съ теченіемъ времени, такъ сказать, спеціальностью Степанова.

Въ числѣ первыхъ ролей его были и еще выдающіяся по исполненію и по той тщательной и серьезной работѣ, которую онъ прилагалъ къ нимъ, несмотря на всю ихъ незначительность. Такова была, на примѣръ, роль Вольтера въ комедіи Шаховскаго «Ты и вы». Изображать Вольтера нужно было сначала молодымъ, а потомъ старымъ, и этотъ переходъ, вмѣстѣ съ историческими чертами лица, былъ переданъ превосходно. Еще болѣе поработалъ Степановъ надъ ролью прусскаго короля Фридриха II въ оперѣ-водевилѣ «Старый гусаръ или Пажы Фридриха II». Роль короля въ этой пьесѣ—второстепенная, но Степановъ приложилъ къ ней столько труда и усердія, что ихъ достаточно было бы для изученія какой-нибудь большой классической роли. Степановъ перерылъ и перечиталъ всю доступную ему литературу о Фридрихѣ, изучилъ его характеръ и привычки,—даже мелкія, какъ, на примѣръ, привычку, нюхая табакъ, брать табакъ прямо изъ кармана, а не изъ табакерки. Чтобы точнѣе представить себѣ внѣшній обликъ короля, Степановъ накупилъ портретовъ его и по нимъ гримировался. Казенный мундиръ для Фридриха дали ему зеленый съ желтыми отворотами; но это совсѣмъ не подходило къ тѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ, которыя почерпнулъ Степановъ изъ книгъ. Что

³²⁾ «Драматическое прибавленіе къ Московскому Вѣстнику», 1828, № III.

³³⁾ «Московскій Вѣстникъ», 1830, № 3.

было дѣлать?... Степановъ даже заплакалъ отъ огорченія: выйти въ такомъ мундирѣ значило для него чуть не совершить поруганіе искусства. И вотъ онъ упросилъ знакомаго портного Пасынкова, страстнаго любителя театра, сшить ему для Фридриха синій мундиръ въ долгъ; тотъ согласился, и Степановъ уплачивалъ портному по рублю ассигнаціями, пока мундиръ не взяли въ театральныя гардеробъ и не уплатили всей стоимости. Во время представленія «Стараго гусара», въ первомъ ряду креселъ сидѣлъ какой-то московскій тузъ, знавшій лично Фридриха; когда молодой актеръ вышелъ на сцену, согнувшись, съ походкой и фигурой побѣдителя при Росбахѣ, старый баринъ невольно вскрикнулъ: «Да это вылитый Фридрихъ!»³⁴⁾. Въ «Ложной Каталини» Степанову, выходявшему на сцену въ женскомъ платьѣ, съ лорнетомъ и нотами, приходилось пѣть; и вотъ онъ для этого водевиля беретъ уроки пѣнія у знаменитаго тогда тенора Петра Александровича Булахова. Успѣхъ Степанова въ этой пьесѣ былъ громадный.

Недостатокъ средствъ съ самаго выхода изъ училища давалъ себя сильно чувствовать, и жить Степанову приходилось очень скромно; надо было пускаться на выдумки, чтобы пополнить тощій кошелекъ. Шла драма «Обрѣева Собака», въ которой собакѣ предназначена довольно важная роль. Степановъ взялся выдрессировать для этой пьесы свою охотничью собаку, Гектора. Это было тѣмъ труднѣе, что «играть» Гектору нужно было съ Мочаловымъ, который вообще побаивался собакъ. Однако, Степановъ, при помощи своей маленькой племянницы, Нади Рыкаловой, отлично выучилъ собаку и получалъ за нее разовыя по 25 рублей ассигнаціями за спектакль. Гекторъ участвовалъ впослѣдствіи еще и въ драмѣ «Ричардъ Львиное Сердце». Это обстоятельство серьезно поправило финансы Степанова, и онъ употреблялъ деньги на улучшеніе своего гардероба, по части котораго ему, съ его жалованьемъ, вообще было трудно справляться. Между прочимъ, вскорѣ по выходѣ изъ школы, онъ носилъ воротнички, которые самъ вырѣзалъ изъ бѣлой бумаги, пока сестры не замѣтили этого и не сшили ему полотняныхъ.

Итакъ, Степановъ блистательно заявилъ свое дарованіе; но пьесы, въ которыхъ онъ выступалъ, были пустыя водевили. Случалось ему играть и въ операхъ,—на примѣръ, въ «Вадимѣ», «Тоскѣ по родинѣ», «Маріи или Безнадежная любовь» и др.; для оперъ у него былъ очень недурной голосъ—баритонъ. Наконецъ, лѣтъ черезъ пять послѣ выхода изъ школы, Степановъ появился въ «Горе отъ ума» и прославился ролью Тугоуховскаго.

³⁴⁾ «Складчина» (Спб. 1874), ст. П. Д. Боборыкина о В. И. Живокини.

«Горе отъ ума».—Степановъ въ роли Тугоуховскаго.—Отзывы критики.—Исполненіе въ присутствіи Императора Николая Павловича.—Поѣздка въ Петербургъ по распоряженію Государя.—Исполненіе роли Тугоуховскаго на Петербургской сценѣ.—Вниманіе Государя къ Степанову.

Тридцатые годы ознаменовались постановкою на русской сценѣ двухъ нашихъ классическихъ комедій: «Горе отъ ума» и «Ревизора». Имя Степанова связано съ этими бессмертными произведеніями, и вмѣстѣ съ исторіей постановки этихъ пьесъ оно перейдетъ въ потомство. Какъ извѣстно, и та, и другая комедія при первомъ ихъ исполненіи на Московской сценѣ были разыграны не всѣми артистами такъ, какъ того бы заслуживали: въ обоихъ случаяхъ исполненіе большей части артистовъ было неудовлетворительно, и лишь меньшинство играло безукоризненно; къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ и Степановъ.

Замѣчательно, что въ «Горе отъ ума» Степанову не предназначалось никакой роли, и онъ получилъ ее при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Мнѣ случилось видѣть въ бумагахъ Н. В. Рыкаловой самую «роль» эту; на тетрадкѣ написана и ея исторія. На первой страницѣ полулиста бѣлой старинной бумаги послѣ словъ: *Московскій балъ. 3-е и 4-е дѣйствія изъ комедіи «Горе отъ ума». Роль князя Тугоуховскаго,*—слѣдуетъ: *Г. Аванасьеву. 21-го марта 1830 года. Кокошкинъ.* Эта надпись перечеркнута, и ниже рукою Верстовскаго написано: *Г. П. Степанову. Верстовскій.* Дальше самъ Степановъ, разъясняя это, записалъ: *Аванасьевъ обидѣлся этою ролюю, я его выручилъ, перепросилъ у Верстовскаго себѣ, потому что я къ выходнымъ привыкъ какъ...* Степановъ не договорилъ, но понятно, что онъ хотѣлъ сказать. Это — очень характерная страничка! Аванасьевъ обидѣлся; да и какъ было не обидѣться, получивъ роль въ три странички съ одними безсловесными: «и—хмъ», «о—хмъ» и т. д. Степанову же не въ диковину было получать выходныя роли. Но и выходныя роли бывають разныя. Степановъ ясно, конечно, понималъ, что въ такой художественно-жизненной картинѣ, какъ «Горе отъ ума», каждая самая маленькая роль—типъ, характеръ. За Грибоѣдовскими оригиналами не надо было ходить далеко на поиски: они были у всѣхъ передъ глазами; стоило только внимательнѣе къ нимъ присмотрѣться, тщательнѣе отдѣлать подробности и облечь созданіе въ художественную форму. Въ записи Степанова, сдѣланной имъ на «роли», видна гордость артиста: роль выходную, одну изъ тѣхъ, о которыхъ

онъ съ горечью замѣчаетъ, что привыкъ къ нимъ, такую роль онъ выдвигаетъ на первый планъ и заставляетъ говорить объ ея исполненіи. Тутъ было чѣмъ гордиться даже и не такому скромному артисту, какимъ всегда оставался Степановъ!

За оригиналъ для Тугоуховскаго Степановъ выбралъ одного изъ вельможъ Екатерининскаго вѣка ³⁴). Изобразить дряхлую развалину было тѣмъ труднѣе для артиста, что самъ онъ едва вышелъ тогда изъ юношескаго возраста. Не обошлось тутъ, конечно, безъ серьезной и кропотливой работы, не исключая заботы и о внѣшности. Высокіе бархатные сапоги, фракъ со звѣздами и высокая мягкая шляпа нашлись въ театральномъ гардеробѣ, а о парикѣ пришлось похлопотать самому, такъ какъ театральнѣй парикмахеръ былъ чрезвычайно неискусенъ. Степановъ самъ приготовилъ себѣ парикъ изъ шкурки бѣлаго барашка, нарѣзанной узкими ремешками и склеенной; онъ просидѣлъ за этой работой два дня. Исполненіе Степановымъ роли Тугоуховскаго вызвало самыя лестныя похвалы и положительное удивленіе. Въ теченіе почти сорока лѣтъ Степановъ являлся единственнымъ исполнителемъ этой роли и игралъ ее все съ тѣмъ же успѣхомъ; при чемъ отзывы критики все время признавали игру его художественной. Вотъ нѣсколько такихъ отзывовъ.

«Иногородные читатели», — говоритъ рецензентъ «Московского Телеграфа»,—«вѣроятно, полагають, что актеры Московскаго театра, которымъ совершенно извѣстны всѣ обыкновенія жителей древней столицы, на сей разъ были въ настоящей своей сферѣ, и что Москва въ миниатюрѣ, съ удивительною вѣрностью изображенная, явилась на сценѣ Большого театра. Этого и мы ожидали. Но, увы, вышло иначе, и представленіе уподобилось разыгрыванію творенія Моцарта или Вебера оркестромъ нестройнымъ; неслаженнымъ, гдѣ ни одинъ музыкантъ не согласовался съ гармонією цѣлаго. Только одно изъ дѣйствующихъ лицъ удовлетворило ожиданіямъ публики. Это—князь Тугоуховскій, который не говоритъ ни одного слова. Но молодой артистъ г. П. Степановъ такъ мастерски умѣлъ преобразиться въ дряхлаго московскаго барина, такъ искусно поддѣлалъ свою походку и фізіономію, что мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность отдать ему должную справедливость. Этихъ-то правдоподобныхъ, разительныхъ поддѣлокъ, этихъ-то очаровательныхъ ухищреній сценическаго искусства и недостаетъ у нашихъ актеровъ, а безъ нихъ картина цѣлаго общества будетъ не представлена на театрѣ, но только прочитана» ³⁵). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же критикъ говоритъ, что «Москва

³⁴) Князя Юсупова.

³⁵) «Московскій Телеграфъ», 1830, № 12 и 13, статья У(шакова).

пришла въ восторгъ отъ искусства, съ коимъ гг. Орловъ и П. Степановъ представили два лица, повидимому, незначительныя, но, тѣмъ не менѣе, весьма трудныя для артистовъ въ произведеніи надлежащаго эффекта»³⁶⁾. Послѣ перваго представленія комедіи (25-го февраля 1831 года), критикъ «Телеграфа», упрекая всѣхъ артистовъ,—не исключая Мочалова (Чацкій) и Сабурова (Репетилова),—въ дурномъ исполненіи, выдѣляетъ лишь Кавалерову (Хлестова), П. Степанова и Орлова (Скалозубъ). «Князю»,—говоритъ онъ,—«не пришлось сказать ни одного слова, но его видъ, входъ съ дочерью и прогулка по залѣ были такъ хороши, что невольно заставляли хохотать»³⁷⁾. П. Н. Араповъ въ замѣткахъ объ исполненіи ролей изъ «Горя отъ ума» говоритъ: «Въ роли Тугоуховскаго чрезвычайно эффектенъ на Московскомъ театрѣ актеръ П. Степановъ. Онъ мастерски гримируется»³⁸⁾. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ первой постановки, Аполлонъ Григорьевъ, разбирая исполненіе «Горя отъ ума», утверждалъ, что «художественно исполняются только двѣ роли: роль Фамусова—М. С. Щепкинымъ и нѣмая роль князя Тугоуховскаго—П. Степановымъ»³⁹⁾. Еще черезъ десять слишкомъ лѣтъ другой критикъ снова признаетъ Тугоуховскаго «неподражаемымъ созданіемъ» Степанова⁴⁰⁾.

Съ ролью Тугоуховскаго были связаны у Степанова самыя дорогія для него воспоминанія. Въ ноябрѣ 1834 года былъ вечеръ у одного изъ представителей московской знати, А. А. Башилова. Присутствовалъ на вечерѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывшій въ то время въ Москвѣ передъ пріѣздомъ Государя. Въ числѣ гостей Башиловъ пригласилъ и артистовъ Московскаго театра: Живокини, Никифорова, Щепина, Скворцова, Степанова. Артисты изображали какія-то сцены, а Степановъ, между прочимъ, копировалъ нѣкоторыхъ представителей высшаго московскаго общества; копии и подражанія эти были такъ удачны, что очень заинтересовали Великаго Князя. Когда, немного времени спустя, на Московской сценѣ шло «Горе отъ ума» въ присутствіи Императора Николая Павловича, Великій Князь рассказалъ своему Августѣйшему брату о способностяхъ Степанова. При выходѣ Степанова на сцену, въ 3-мъ дѣйстви комедіи, Государь тотчасъ воскликнулъ: «Да это такой-то!»—и назвалъ лицо, сходство съ которымъ Степанова было паразитическое.

³⁶⁾ «Сѣверная Пчела», 1831, №№ 77 и 80.

³⁷⁾ «Московскій Телеграфъ», 1831, мартъ, № 5.

³⁸⁾ Сочиненія А. С. Грибоѣдова. Изд. Евгр. Серчевскаго. Спб. 1858.

³⁹⁾ «Москвитянинъ», 1852, № 8, лѣтопись московскаго театра, стр. 156.

⁴⁰⁾ «Библіотека для Чтенія», 1864, № 2, статья Александра Иванова.

Въ антрактѣ Императоръ пришелъ на сцену и похвалилъ Степанова, а на другой день ему былъ пожалованъ перстень съ брилліантами и аметистомъ. На третій день «Горе отъ ума» повторили, а затѣмъ вышелъ приказъ: прислать Степанова въ Петербургъ для исполненія роли Тугоуховскаго. Поѣздка была совершена на казенный счетъ; Степановъ сыгралъ въ Петербургѣ въ присутствіи Императора и членовъ Августѣйшаго Семейства нѣсколько разъ Тугоуховскаго и получилъ тысячу рублей награды. Это событіе было самымъ яркимъ и отраднымъ во всей артистической карьерѣ Степанова.

Отъ того времени сохранилось письмо Степанова изъ Петербурга въ Москву къ сестрамъ и пріятелю Купфершмидту, помѣченное 15-мъ декабря 1834 года. Тогда у Степанова, въ компаніи съ Купфершмидтомъ, былъ уже открытъ костюмерный магазинъ, и въ письмѣ онъ отвѣчаетъ на дѣловыя запросы домашнихъ; онъ отказывается давать издалека дѣловыя разъясненія и, принявъ шутливый томъ, проситъ не приставать къ нему съ вопросами,—ему не до того. «Не забудьте, кто вы и кто я»,—пишетъ онъ,—«вы москвичи, а я теперь петербургскій житель и говорю то съ министрами, то съ генералами и даже съ самимъ Царемъ, который во второе представленіе «Горя отъ ума» былъ въ театрѣ и съ Царевной. Пришелъ за кулисы, взялъ меня за руку и повелъ къ себѣ въ комнату, около ложи, и тамъ такъ шутили и смѣялись...». «Насъ»,—продолжаетъ Степановъ шутливымъ тономъ переполненнаго счастьемъ человека,—«было много: Императоръ Николай I, я, Михаилъ и еще какой-то принцъ и министры. Мы хохотали чуть не до упаду. Послѣ актовъ всякій разъ приходили ко мнѣ и всѣ шутили. Императоръ такъ былъ доволенъ, что послѣ третьяго акта сдѣлалъ мнѣ пренизкій поклонъ и сказалъ: «Покорнѣйше васъ благодарю!» Михаилъ также, и всѣ. Театръ былъ биткомъ, и меня принимали удивительно какъ хорошо. *Матушка* (Государыня) также очень довольна, потому что помирала со смѣху». Для Государыни и другихъ Высочайшихъ Особъ Степановъ изображалъ въ царской ложѣ цѣлый рядъ лицъ и типовъ. Такое рѣдкое вниманіе Государя къ артисту отразилось, конечно, и на отношеніи къ нему окружающихъ. «Не забудьте»,—пишетъ Степановъ,—«что я должно быть право очень недуренъ лицомъ, потому что на другой день при Дворѣ только и было разговора, что обо мнѣ. Мнѣ это сказывали генералъ-адъютанты, которые со мною разговаривали въ креслахъ. На другой день было первое представленіе «Роберта», и я бралъ кресло въ первыхъ рядахъ»⁴¹⁾;

⁴¹⁾ Опера Мейербера «Робертъ-Дьяволъ» была поставлена въ первый разъ на Петербургской сценѣ 14-го декабря 1834 года.

меня многие узнали,—и пошла потѣха...». «Ну, какъ же вы хотите»,—пишетъ далѣе Степановъ,—«чтобъ я занимался такими пустяками (дѣлами по магазину)?... Однако, вы не подумайте, что я это пишу серьезно. Я вѣдь шучу: я все такой же, ни капли не перемѣнился».

Съ какимъ восхищеніемъ рассказывалъ Степановъ домашнимъ о петербургскихъ впечатлѣніяхъ, возвратясь въ Москву! Какое благодарное чувство хранилъ онъ до конца дней къ Государю, обласкавшему молодого артиста! Видѣть Государя во время его пріѣздовъ въ Москву было большимъ счастьемъ для Степанова, и онъ всегда старался попасть въ народныя массы, встрѣчавшія Императора при проѣздѣ его по московскимъ улицамъ.

V.

Роль судьи въ «Ревизорѣ». — Отзывы критики. — Роль Яичницы въ «Женитьбѣ». — Роля репертуара Островскаго, Писемскаго, Мольера. — Другія роли.

25-го мая 1836 года на сценѣ Московскаго театра шелъ въ первый разъ «Ревизоръ». Исполненіе и постановка въ общемъ были неудачны; достойна пьеса была игра лишь нѣсколькихъ артистовъ, и къ числу ихъ принадлежалъ Степановъ въ роли судьи Тяпкина-Ляпкина. «Петръ Степановъ въ судѣ неподобенъ», — писалъ Щепкинъ Сосницкому черезъ недѣлю послѣ спектакля ⁴²⁾. Бѣлинскій нѣсколько разъ отмѣчаетъ игру Степанова въ «Ревизорѣ». «Не говоримъ о Степановѣ, игравшемъ роль судьи: его игра чудесна», — замѣчаетъ онъ; а въ другой разъ пишетъ: «Объ Орловѣ и Степановѣ мы уже не говоримъ, не желая повторять одного и того же: чудо совершенства да и только» ⁴³⁾. И черезъ двадцать пять лѣтъ Степановъ остается въ глазахъ критики тѣмъ же «неподражаемымъ судьей» ⁴⁴⁾, и за два года до смерти, когда ослабѣли его силы, онъ все также «украшаетъ своимъ участіемъ одно изъ драгоценнѣйшихъ произведеній русской драматургіи» ⁴⁵⁾. Раздавались, впрочемъ, голоса, недовольные судьей въ исполненіи Степанова. Одинъ изъ критиковъ перваго представленія «Ревизора», признавая Степанова въ числѣ лучшихъ исполнителей комедіи, считаетъ, однако, нужнымъ замѣтить ему «одинъ разъ навсегда, что передразниванье недостойно таланта,—

надобно создавать роль, а не копировать съ кого бы то ни было» ⁴⁶⁾. Спустя много лѣтъ, Аполлонъ Григорьевъ находилъ также недостатки въ исполненіи Степановымъ роли судьи, недостатки другого рода. По его мнѣнію, «судья мало удовлетворитъ требованіямъ того, кому бросилась въ глаза его особенность, его оригинальная черта въ комедіи Гоголя. Гдѣ самодовольство въ отвѣтѣ на упреки въ вольнодумствѣ: «собственнымъ умомъ дошелъ», — гдѣ значительность тона въ цитатѣ изъ Іоанна Массона? Надобно полагать, что роль эта совершенно не по натурѣ г. Степанова, потому что иначе этотъ умный и добросовѣстный артистъ отдѣлалъ бы ее удовлетворительнѣе» ⁴⁷⁾. Впрочемъ, Григорьевъ былъ вообще недоволенъ тогдашнимъ исполненіемъ «Ревизора», находя безукоризненной лишь игру Садовскаго (Осипъ) и за нимъ уже Щепкина (городничій); страстный въ своихъ увлеченіяхъ онъ поклонялся тогда Садовскому и сквозь призму этого поклоненія смотрѣлъ на игру другихъ актеровъ.

За сорокъ слишкомъ лѣтъ своей службы Степановъ переигралъ не меньше пятисотъ ролей; когда, послѣ его смерти, нужно было сдавать «роли» въ контору театровъ, то онѣ составили двѣ громадныя связки. Въ большинствѣ случаевъ Степанову доставались роли второстепенныя, аксессуарныя, типичныя и характерныя; въ числѣ ихъ были роли изъ пьесъ лучшихъ нашихъ драматурговъ, исполнявшіяся артистомъ съ такою же художественною правдою, какъ судья и Тугоуховскій. Такова была роль Яичницы въ «Женитьбѣ». Тотъ же строгій Аполлонъ Григорьевъ находилъ, что, кромѣ Садовскаго (Подколесинъ), въ «Женитьбѣ» хорошъ былъ только экзекуторъ Яичница, не исключая и Щепкина ⁴⁸⁾. Въ «Игрокахъ» Гоголя Степановъ исполнялъ роль Швохнева.

Изъ водевильныхъ ролей съ передѣваньемъ особенно памятной въ исполненіи Степанова осталась роль Эдуарда въ водевилѣ «Артистъ», по поводу которой Бѣлинскій написалъ большую замѣтку. Въ этой пьесѣ Степановъ являлся пѣвцомъ-итальянцемъ, танцовщикомъ, капельмейстеромъ и актеромъ-трагикомъ, стараясь воспроизводить кого-нибудь изъ извѣстныхъ артистовъ. Трагиками въ его копіяхъ были Каратыгинъ и Мочаловъ, и оба представлялись, какъ живые. Въ первый разъ, когда поставлена была пьеса, Мочаловъ, сидѣвшій въ театрѣ, пришелъ въ восторгъ, увидавъ на сценѣ самого себя, аплоди-

⁴²⁾ Записки и письма М. С. Щепкина. М. 1864, стр. 183.

⁴³⁾ Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. М. 1869. Ч. 2, стр. 589, 597.

⁴⁴⁾ «Библиотека для Чтенія», 1864, № 2, статья Александра Иванова.

⁴⁵⁾ «Антрактъ», 1867, № 18, статья А. Н. Баженова.

⁴⁶⁾ «Молва», 1836, т. XI, стр. 260.

⁴⁷⁾ «Москвитянинъ», 1852, № 8, стр. 149.

⁴⁸⁾ Тамъ же, стр. 152.

ровалъ, а потомъ пришелъ за кулисы и, со словами: «Ну, Петичка, дай разцѣловать тебя!»,—обнялъ Степанова. Бѣлинскій писалъ объ «Артистѣ»: Это— «очень обыкновенный водевилъ, кое-какъ переведенный съ французскаго, и безъ игры П. Степанова онъ — просто ничего; но при игрѣ этого актера— просто чудо, прелесть: онъ смѣшитъ до слезъ». Дальше онъ говоритъ иронически о пародіи Степанова на Каратыгина, возбуждавшей взрывы хохота, тогда какъ раньше, т. е. когда Степановъ копировалъ Мочалова, никто и не улыбнулся. «Пародировать можно только поддѣльное, надутое и натянутое», — замѣчаетъ Бѣлинскій не въ бровь, а прямо въ глазъ Каратыгину, котораго критикъ, какъ извѣстно, ставилъ неизмѣримо ниже Мочалова.

Перечислять въ хронологическомъ порядкѣ всѣ роли Степанова было бы долго и не имѣло бы особенной важности для характеристики его дѣятельности. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ, относящіяся большею частью къ послѣднимъ годамъ его артистическаго поприща. Въ репертуарѣ Островскаго у Степанова были роли: Маломальскаго («Не въ свои сани не садись»), Гордѣя Торцова («Бѣдность не порокъ»), Еремки («Не такъ живи, какъ хочется»), Мизгиря («Воевода»), Васютина («Старый другъ лучше новыхъ двухъ»), важной особы («Шутники») и др.; игралъ онъ какъ-то, за болѣзнь Садовскаго, и Дикого въ «Грозѣ». Въ пьесахъ Писемскаго Степанову замѣчательно удалась роли: Никашки («Горькая судьбина») и Кадушкина («Самоуправцы»). Изъ Мольеровскихъ типовъ Степановъ изображалъ особенно хорошо: Марфуриуса и Панкраса («Хоть тресни, а женись!»), затѣмъ учителя въ «Мѣщанинѣ-дворянинѣ» и доктора Томеса въ комедіи «Замужество лучшей докторъ». Въ «Недорослѣ» Степановъ игралъ Вральмана, въ «Сватѣ Фалдейчѣ»—лѣсника Гаврилу, въ «Гувернерѣ»—кучера, въ «Женихѣ изъ нижней линіи»—прикащика Мордоплюева, въ «Друзьяхъ-пріятеляхъ»—армянина Узломъ-Кузлу-Бердыша, въ «Черномъ пятнѣ» — доктора Швинделя, въ «Синичкинѣ» — графа Зефирова, въ «Ямщикахъ» — старосту Семена Иванова. Чтобы закончить этотъ перечень, назовемъ еще рядъ ролей Степанова, какъ, напримѣръ: Шалло («Виндзорскія кумушки»), Антонио, Леонато («Много шума изъ ничего»), старый школяръ («Укрощеніе строптивой»), слуга («Коварство и любовь»), колдунъ («Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать»), князь Ченхалюдзевъ («Купецъ-лабазникъ»), староста Суркова («Противъ теченія»), Фрито («Школьный учитель»), прикащикъ («Утро вечера мудренѣе»), частный приставъ («Мишура») и др.

VI.

Служебныя неудачи въ матеріальномъ отношеніи.—Открытіе костюмернаго магазина.—Отношеніе къ Степанову начальства.—Просьба о бенефисѣ и письмо Загоскина.—Назначеніе режиссеромъ.—Дальнѣйшая служба по формулярному списку.

Теперь посмотримъ, какъ шла артистическая дѣятельность Степанова въ матеріальномъ отношеніи. Выпущенный изъ училища на шестьдесятъ рублей годового жалованья, Степановъ очень долго не получалъ прибавки.

Изъ формулярнаго списка не видно, какъ слѣдовали одна за другой эти прибавки и въ какомъ размѣрѣ; видно лишь, что 28-го іюня 1845 года Степановъ, «за выслугу двадцати лѣтъ при занятіи съ должнымъ усердіемъ ролей перваго ампула, Всемилостивѣйше награжденъ пенсіономъ по тысячи рублей».

П. Г. Степановъ и А. М. Купфершмидтъ.
Съ стариннаго портрета, масляными красками.
Изъ собранія А. А. Бахрушина.

По выслугѣ обычныхъ двухъ лѣтъ «благодарности» за пенсіонъ, Степановъ оставленъ былъ на дальнѣйшей службѣ, съ жалованьемъ по 700 рублей въ годъ. На дѣйствительной службѣ со дня выпуска Степановъ былъ утвержденъ въ 1834 году⁴⁹⁾, такъ какъ по тогдашнимъ правиламъ артисты сохраняли свое прирожденное званіе въ теченіе десяти лѣтъ со времени поступленія на сцену. Эти первыя десять лѣтъ были тяжелы для Степанова въ матеріальномъ отношеніи, несмотря на то, что скромная жизнь въ трудолюбив-

⁴⁹⁾ Указъ Правительствующаго Сената, отъ 12-го января 1834 года.

вой семьѣ требовала сравнительно немного; нужно было придумывать какой-нибудь выходъ изъ этого положенія, разъ не везло по службѣ. Къ концу этого десятилѣтія, когда жить становилось особенно трудно, у Степанова возникла мысль начать дѣло, которое, какъ оказалось впоследствии, обеспечило его на всю жизнь. Въстѣ съ своимъ пріятелемъ, Александромъ Михайловичемъ Купфершмидтомъ, Степановъ открылъ костюмерный магазинъ. Купфершмидтъ служилъ музыкантомъ-альтистомъ въ оркестрѣ Большого театра и связанъ былъ съ Степановымъ старинной дружбой; по происхожденію Купфершмидтъ былъ сыномъ капельмейстера, управлявшаго домашнимъ оркестромъ у отца писателя И. С. Тургенева, Сергѣя Ивановича. Магазинъ устроили общими силами и средствами; Аграфена Гавриловна отдала на это предпріятіе тѣ тысячу рублей, которые хранились у нея отъ бенефиса послѣ смерти мужа; даже мать И. С. Тургенева приняла участіе въ этомъ дѣлѣ и подарила «Сашѣ», какъ она называла Купфершмидта, трюмо изъ своего деревенскаго дома. Дѣла магазина пошли превосходно. Тогда была мода на маскарады, собиравшіе публику тысячами; а костюмерный магазинъ до того времени былъ только одинъ. Новая компанія, отлично понимавшая дѣло и обладавшая вкусомъ и изобрѣтательностью, пересилила конкурента, и черезъ годъ Степановъ занималъ уже квартиру въ 14 комнатъ, на Чистыхъ прудахъ, въ домѣ Соколова, гдѣ прожилъ 30 лѣтъ, до самой смерти.

Побочный доходъ улучшилъ матеріальное положеніе Степанова и всей семьи; но, безъ сомнѣнія, артистъ, уже заслужившій имя, выдѣлившійся въ труппѣ съ громкими именами, чувствовалъ себя обиженнымъ невнимательнымъ отношеніемъ къ нему начальства. Выражалась эта невнимательность, вообще говоря, тѣмъ, что ему не давали, какъ говорится, ходу, затирали; особенно это было замѣтно въ управленіе театромъ Загоскина и Верстовскаго, не благоволившихъ къ Степанову. Нерасположеніе къ нему основывалось на его личныхъ качествахъ, о которыхъ ниже я скажу подробнѣе. Степановъ обладалъ слишкомъ прямымъ и благороднымъ характеромъ, слишкомъ не любилъ всякія кривыя и темныя дороги, чтобы снискать расположеніе тамъ, гдѣ грубая лесть и разнаго рода неприглядные способы дѣйствій служили источникомъ благополучія для подчиненныхъ. Надо было имѣть талантъ Степанова, чтобъ, играя въ большинствѣ случаевъ ничтожныя и даже иногда безсловесныя роли, съ честью заявить о своемъ существованіи и прославиться на ряду съ великими артистами. Безъ крупнаго таланта, Степановъ, при томъ положеніи, въ которое былъ поставленъ, прозябалъ бы всю жизнь и умеръ бы въ

неизвѣстности. Какъ частный случай, характеризующій это отношеніе къ Степанову, является попытка его добиться бенефиса. Въ 1837 году Степановъ просилъ дирекцію дать ему бенефисъ. На это директоръ театровъ, Загоскинъ, въ сентябрѣ того же года отвѣчалъ: «Я согласенъ назначить вамъ таковой тогда, когда одинъ изъ полу-бенефисовъ, теперь занятыхъ, останется свободенъ». Прошло около трехъ лѣтъ. Степановъ, не дождавшійся бенефиса, снова обратился къ директору съ просьбой. Письмо Загоскина, въ отвѣтъ на эту просьбу, во многихъ отношеніяхъ замѣчательно. Начавъ письмо безъ обращенія къ адресату, Загоскинъ, прежде всего, заявляетъ, что бенефисы, на которые Степановъ указываетъ, какъ на незанятыя, совсѣмъ не свободны: «Бантышевъ и Мочаловъ, вѣроятно, опять вступятъ въ службу, а на мѣсто Лаврова я ожидаю актера»; о капельмейстерскомъ бенефисѣ «смѣшно даже вамъ и упоминать,—вѣдь вы не капельмейстеръ». «Все это»,—продолжаетъ Загоскинъ,—«такъ справедливо, что, прошу не прогнѣваться, меня вовсе не укоряетъ совѣсть, что я не сдержалъ моего слова. Вы слишкомъ много о себѣ думаете. Никифоровъ и Потанчиковъ несравненно васъ полезнѣе, а не только не имѣютъ бенефисовъ, но и жалованье получаютъ меньше вашего»... «Очень было бы забавно, еслибъ я не принялъ опять Бантышева, за неимѣніемъ свободнаго бенефиса, а далъ бы вамъ бенефисъ за то, что вы играете хорошо какія-нибудь четыре роли въ водевиляхъ». Степановъ, по словамъ Загоскина, приставалъ къ директору относительно бенефиса «съ ножомъ къ горлу», и тѣмъ будто бы вынудилъ обѣщаніе. «Но знаете ли вы»,—продолжаетъ Загоскинъ,—«доволенъ-ли я теперь вашей службой и имѣю-ли въ васъ надобность? Что вы сдѣлали въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, подвинулись-ли вы впередъ? Ни на волосъ! Другіе, начиная даже съ Усачева, каждый годъ становятся полезнѣе для дирекціи, а вы—все то же, что были, т. е. хорошая каррикатура, шаржъ—и больше ничего». Далѣе изъ письма выясняется, что получить бенефисъ онъ можетъ только въ томъ случаѣ, если освободятся бенефисы кого-нибудь изъ комиковъ, но не трагика или опернаго пѣвца: «Безъ васъ я проживу, а безъ перваго трагика и оперныхъ пѣвцовъ театру оставаться нельзя»... «Вообще»,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Загоскинъ,—«пора дирекціи взятыя за умъ и не всегда платить добромъ за притѣсненія артистовъ, которые въ то время, когда въ нихъ есть нужда, готовы разорить дирекцію своими требованіями, а когда дѣлаются почти вовсе для нея ненужными, оставляются изъ милосердія на службѣ». Лично Степанову Загоскинъ совѣтуетъ быть поскромнѣе и не думать такъ много о своемъ талантѣ:

«Общая вамъ бенефисъ, я не общалъ, однако же, вамъ, что вы вѣчно будете служить при дирекціи,—нужны ли вы ей или не нужны будете. А посему я и предлагаю вамъ остаться на настоящемъ вашемъ положеніи, ибо вы, по мнѣнію моему, весьма хорошо заплачены,—и даже съ обидою для другихъ,— за приносимую вами пользу дирекціи». Заканчиваетъ свое письмо Загоскинъ слѣдующими словами: «Я не люблю въ васъ вашу смѣшную гордость, самонадѣянность и дерзость, съ которою вы требуете, чтобы васъ предпочитали вашимъ товарищамъ. Покойная сестра ваша на васъ не походила, и я любилъ ее отъ всей души».

Выдержки изъ этого длиннаго письма, его рѣзкій тонъ, обидныя характеристики и угрозы хорошо рисуютъ отношенія Загоскина къ Степанову. Слова начальника, обращенныя къ подчиненному, отзываются не натянутостью, даже не раздраженіемъ, а какою-то озлобленностью. Каждому артисту, обладающему самой незначительной долей самолюбія, показалось бы оскорбительнымъ то отрицаніе дарованія, та характеристика сценическаго ничтожества, которыми разразился Загоскинъ противъ Степанова. Вызвать такой отпоръ можно было только крайнимъ нахальствомъ, но Степановъ вовсе не отличался назойливостью, и самая просьба его, послѣ 15-лѣтней службы и при извѣстномъ заслуженномъ положеніи, совсѣмъ не была такъ нелѣпа и неисполнима, какъ выставляетъ ее Загоскинъ. Надо сказать, что не только въ этомъ письмѣ, но и въ личномъ обхожденіи Загоскинъ относился всегда къ Степанову очень рѣзко и обидно. При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, Степановъ не могъ рассчитывать на благоволеніе ближайшаго своего начальника, и ему долго приходилось ждать награды за свою дѣятельность. Съ 1847 года, когда ему назначено было 700 рублей жалованья, онъ не получалъ прибавки до 1855 года. Въ этомъ году управляющій Московской театральной конторой, А. А. Пороховщиковъ, выхлопоталъ Степанову прибавку жалованья въ 300 рублей, но съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ на себя режиссерскія обязанности по драматической труппѣ.

Поѣхалъ однажды, по обыкновенію, Степановъ утромъ въ театръ, веселый, ласково простившись съ женой и дѣтьми. Ничто не предвѣщало дурного. Но каково было изумленіе семьи, когда Степановъ возвратился домой чернѣе тучи; на немъ лица не было, точно тяжелое горе поразило его. Домашніе, съ которыми онъ даже не поздоровался, сейчасъ, конечно, приступили къ нему съ распросами.

— Что съ тобой?

— Скверно,—послѣдовалъ отрывистый отвѣтъ.

— Неужели отказали отъ театра?

— Хуже...

— Умерли батюшка и матушка?—спросила жена.

— Хуже...

— Да что же такое? Не ссылаютъ ли тебя въ Сибирь...

— Хуже, хуже...

— Да, наконецъ, долженъ же ты сказать, что такое случилось?

— Меня сдѣлали режиссеромъ,—упавшимъ голосомъ промолвилъ, наконецъ, Степановъ.

Всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ такъ и покатались со смѣху. Но Степанову было не до смѣха; онъ разсердился, убѣжалъ и заперся въ своемъ кабинетѣ.

Такъ принялъ Степановъ извѣстіе о назначеніи, отъ котораго многіе, безъ сомнѣнія, пришли бы въ неописуемую радость. А черезъ годъ онъ подалъ уже прошеніе директору Императорскихъ театровъ, А. М. Геденову, объ увольненіи его отъ режиссерства. «Въ теченіе года»,—писалъ онъ,—«я старался исполнять свою обязанность со всевозможнымъ усердіемъ, дабы заслужить милостивое ваше вниманіе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я убѣдился, что ни природныя мои способности, ни состояніе моего здоровья не позволяютъ мнѣ исполнять этой должности. Тридцатилѣтнее же мое пребываніе на сценѣ и врожденная любовь къ драматическому искусству обратились для меня въ необходимость и привычку и заставляютъ цѣнить преимущественно званіе артиста. Но хлопотливыя обязанности, сопряженныя съ занятіями режиссера, отвлекаютъ меня отъ занятій, требующихъ особеннаго вниманія и добросовѣстнаго исполненія». Просьба Степанова была уважена⁵⁰⁾.

Слѣдуя далѣе по формуляру, мы узнаемъ, что въ 1855 году Степановъ былъ возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина⁵¹⁾; съ 1861 года, вмѣсто получаемого имъ въ награду полу-бенефиса, сталъ получать по 200 рублей⁵²⁾, а съ августа 1862 года—по 5 рублей перспективной платы⁵³⁾.

Таковы несложныя данныя служебнаго формуляра Степанова.

⁵⁰⁾ Степановъ служилъ режиссеромъ съ 17-го сентября 1855 года по 14-е октября 1856 года. Съ этого числа жалованье Степанову снова производилось до конца его жизни по 700 рублей.

⁵¹⁾ 13-го іюня 1855 года.

⁵²⁾ Отношеніе конторы Спб. театровъ, отъ 3-го іюля 1861 года, № 2115.

⁵³⁾ Разрѣшеніе министра Императорскаго Двора, отъ 24-го августа 1862 года.

Общественное чествованіе Степанова. — Спектакль 10-го мая 1867 года. — Поднесеніе подарка отъ публики. — Ужинъ въ Артистическомъ Кругѣ. — Рѣчи и стихи. — Письма Л. Л. Леонидова и И. И. Осницкаго.

Читатели видѣли уже, что Степанову, какъ говорится, «не везло» по службѣ. Это—не голословное утвержденіе артиста, основанное на мелкомъ самолюбіи; оно дѣйствительно было такъ, и лучшимъ доказательствомъ этого служить то общественное чествованіе, котораго удостоился Степановъ за два года до своей смерти. Насколько положеніе Степанова казалось несоответствующимъ его заслугамъ, видно изъ того, что даже въ серьезныхъ органахъ печати обращалось на это вниманіе публики. Такъ, рецензентъ «Библиотеки для Чтенія», давъ характеристику таланта и заслугъ Степанова, съ удивленіемъ замѣчалъ въ 1864 году: «При всемъ томъ, онъ не получаетъ полнаго оклада жалованья и до прошедшаго года не удостоивался разовыхъ»⁵⁴⁾. «Надо сказать»,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—«что судьба была несправедлива къ гг. Степанову и Никифорову; она даже не присудила имъ полнаго оклада, даже лишила бенефисовъ... Известно—судьба капризница!»⁵⁵⁾

И вотъ среди представителей московскаго общества и любителей театра возникла мысль почтить заслуги Степанова и его стараго товарища и друга Никифорова общественнымъ чествованіемъ по подпискѣ. Въ устройствѣ этого чествованія приняли участіе извѣстные литераторы и артисты. Самый праздникъ распался на двѣ части: на поднесеніе Степанову и Никифорову на сценѣ цѣнныхъ подарковъ и на торжественный ужинъ въ честь ихъ.

10-го мая 1867 года на сценѣ Малаго театра данъ былъ спектакль въ пользу суфлеровъ. «Театръ былъ полонъ»,—разсказываетъ современный театральный лѣтописецъ,—«Горе отъ ума» было прослушано съ обычнымъ, почти благоговѣйнымъ молчаніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, представленіе этой комедіи подало поводъ части публики, особенно неравнодушной къ театру и его дѣятелямъ, почтить многолѣтнюю и крайне полезную, крайне честную дѣятельность двухъ актеровъ, доставшихся теперешней драматической труппѣ нашей въ прекрасное наслѣдіе отъ прежней знаменитой труппы. Гг. Степановъ и Никифоровъ такъ много и такъ хорошо послужили Московской сценѣ и московской публикѣ, что заслуживаютъ всякаго почтенія и имѣютъ полное

⁵⁴⁾ «Библиотека для Чтенія», 1864, № 2, статья А. Иванова.

⁵⁵⁾ «Голось», 1867, № 141, статья С. П.

право на расположеніе публики. И публика наша дѣйствительно давно уже взыскала ихъ своею любовью, но, къ сожалѣнію, не имѣетъ обычныхъ поводовъ для того, чтобъ особенно осязательнымъ образомъ выражать свои симпатіи имъ. Такимъ обычнымъ поводомъ для выраженія артисту сочувствія со стороны публики бывають бенефисы артистовъ; но гг. Степановъ и Никифоровъ, изъ свойственной имъ скромности, обыкновенно отказываются отъ права своего на бенефисъ и довольствуются вмѣсто того самою ограниченою денежною прибавкою къ ихъ жалованью. Но публика не захотѣла долго оставаться въ долгу у своихъ любимцевъ и нашла-таки случай отъ всей души отблагодарить ихъ за ихъ добрую дѣятельность. *Отъ всей души*, потому что надобно было видѣть, насколько единодушны и задушевные были тѣ аплодисменты, которыми сопровождалось поднесеніе этимъ двумъ заслуженнымъ артистамъ подарковъ»⁵⁶⁾. «Овація»,—говоритъ другой современникъ,—«удалась прекрасно, и артисты были въ неописанномъ восторгѣ, когда публика съ рѣдкимъ единодушіемъ привѣтствовала ихъ и поднесла имъ богатые подарки. Эти подарки отъ публики, наполнившей всю залу Малаго театра сверху до низу, поднесенные при громкихъ кликахъ и аплодисментахъ, лучше всего свидѣтельствуютъ, какъ много и успѣшно потрудились талантливые артисты и какъ умѣетъ ихъ цѣнить общество, если не умѣютъ цѣнить другіе»⁵⁷⁾.

Въ третьемъ актѣ комедіи, при первомъ выходѣ Степанова на сцену въ роли князя Тугоуховскаго, раздался громъ рукоплесканій, болѣе сильный и продолжительный, чѣмъ рукоплесканія, встрѣчающія обыкновенно самыхъ любимѣйшихъ артистовъ въ дни ихъ бенефисовъ. Дирижеръ оркестра передалъ на сцену подарокъ отъ публики заслуженному артисту. Подарокъ состоялъ изъ серебряной вызолоченной кринки, обвитой серебряной берестой. Кринка эта какъ будто заткнута тряпкой, какъ обыкновенно затыкаются кринки съ молокомъ; на этой тряпкѣ, сдѣланной изъ матоваго серебра, вычеканенъ старикъ-мужикъ съ балалайкой, сидящій около стола, на которомъ штофъ и стаканъ; вокругъ этой крышки надпись: *Какъ гулетъ староста*. Кринка, отличающаяся изяществомъ работы, стояла на серебряномъ блюдѣ, по краямъ котораго сдѣлана надпись чернью: *Петру Гавриловичу Степанову—отъ почитателей его таланта*, а на срединѣ блюда вырѣзаны года: 1825—1867 и названія семи ролей Степанова: *Князь Тугоуховскій, Фридрихъ, Судья, Ячница, Кадушкинъ, Староста, Артистъ*. Блюдо съ кринкою было постав-

⁵⁶⁾ «Антрактъ», 1867, № 19, статья А. Н. Баженова.

⁵⁷⁾ «Голось», 1867, № 41.

лено на бархатномъ подносѣ, на которомъ лежала также большая, въ рускомъ вкусѣ сдѣланная, серебряная ложка. Принимая подарокъ при громѣ рукоплесканій и крикахъ «браво», Степановъ былъ тронуть до слезъ⁵⁸⁾, а, выходя на вызовы послѣ 3-го акта, поцѣловалъ подарокъ. Послѣ незабвеннаго царскаго вниманія это были отраднѣйшія минуты въ жизни артиста. «Не часто»,—говоритъ А. Н. Баженовъ,—«приходилось намъ переживать въ театрѣ такія истинно прекрасныя минуты. Мы радовались за почтенныхъ артистовъ, мы радовались за публику. Такой публикѣ можно служить, на такую публику можно работать артистамъ: цѣнное будетъ оцѣнено, заслуги не пропадутъ и не забудутся»⁵⁹⁾.

Вторая часть общественнаго чествованія Степанова и Никифорова состоялась въ помѣщеніи Артистическаго Кружка. Старшины клуба, съ А. Н. Островскимъ во главѣ, письменно просили виновниковъ торжества пожаловать 13-го мая «отъужинать вмѣстѣ съ товарищами». Праздникъ этотъ имѣлъ чисто семейный характеръ,—всѣхъ одушевляло непритворное, глубокое сочувствіе къ почтенной, долготѣной дѣятельности ветерановъ искусства. Рѣчи и стихи, сказанные на этомъ вечерѣ, принимались съ восторгомъ. Островскій, Живокини и Садовскій говорили рѣчи, а Вильде прочиталъ слѣдующее стихотвореніе:

Бывало, геній лишь высокій,
А иногда и мипура
Взимали дань любви глубокой.
Отрадно, что пришла пора,
Когда прямое дарованье,
Не ослѣпляющее глазъ,
Находитъ также воздаянье:
Примѣръ мы этотъ видимъ въ васъ.
Безъ пышныхъ лавровъ сорокъ лѣтъ
Театру оба вы служили;
Всѣ тѣ, кто только былъ согрѣтъ
Любовью къ дѣлу, дорожили
Талантомъ вашимъ и трудомъ.
Но о себѣ вы не кричали,
Впередъ не лѣзли на проломъ,
Не обладали мѣднымъ лбомъ,
И часто васъ не замѣчали:

⁵⁸⁾ «Антрактъ», 1867, № 19.

⁵⁹⁾ Никифорову поднесенъ былъ массивный кубокъ съ крышкой (бюстъ Гоголя).

Толпа не била вамъ челомъ.
Будь только блескъ,—толпа нѣмѣетъ,
Что ей бросается въ глаза—
Бриллиантъ—она цѣнить умѣетъ,
А вы въ искусствѣ—бирюза.
Вы не шумихой, правдой брали,
Не поражали вы собой,
И васъ цвѣтами не вѣнчали.
А вы, довольные судьбой,
И не искали громкой славы,
Хоть сознавали, можетъ быть,
Что люди къ вамъ подчасъ неправы
И что грѣшно бы васъ забыть.
Но, нѣтъ, объ васъ не позабыли!
Вашъ умный, долготѣный трудъ
Спустя полвѣка оцѣнили,
И наконецъ-то правый судъ
Почтилъ васъ данью уваженья,
Уже заслуженной давно.
Съ наградой славной за одно
Примите также выраженье
И нашихъ чувствъ къ обоимъ вамъ:
Награда—вамъ, награда—намъ!
Мы вашу радость раздѣляемъ,
Намъ близокъ дорогъ вашъ почетъ,
И мы всѣ здѣсь на-перечетъ
Еще, еще васъ поздравляемъ.

На радостное для Степанова событіе отозвались и петербургскіе артисты. Л. Л. Леонидовъ поздравлялъ съ «звучной благодарностью» публики въ видѣ «полновѣсныхъ сюрпризовъ» и писалъ: «Ваша сценическая дѣятельность всегда бывала отрадна для публики своею талантливостью и полезна для товарищей добросовѣстностью и изученіемъ народныхъ типовъ». «Старикъ Сосницкій»,—какъ онъ подписался подъ письмомъ,—былъ очень обрадованъ. «Петя, Петруша, Петръ Гавриловичъ!»—пишетъ онъ,—«со слезами на глазахъ отъ умиленія читалъ я письмо Линской о твоёмъ торжествѣ⁶⁰⁾. Дай Богъ здоровья тѣмъ, у кого зародилась мысль потѣшить моего друга и товарища по ремеслу, на старости лѣтъ напомнить публикѣ о

⁶⁰⁾ Ю. Н. Линская въ то время гастролировала въ Москвѣ и въ спектаклѣ 10-го мая играла въ «Бѣдѣ отъ нѣжнаго сердца».

заслуженных артистах. Этимъ можно гордиться! Это не то, что волокиты подносятъ букеты и подарки не по заслугамъ, а за смазливенькое личико. Передай мое душевное поздравленіе Никифорову. Дай Богъ вамъ всего хорошаго». «Хотя мнѣ очень тяжело писать ⁶¹⁾, но не могъ не подѣлиться съ тобою моимъ восторгомъ»,—добавляетъ далѣе Сосницкій.

VIII.

Степановъ, какъ артистъ и человѣкъ.—Заключеніе.

Характеристику Степанова, какъ артиста, прежде всего, можно начать словами С. Т. Аксакова, ставящаго его «въ числѣ артистовъ, придававшихъ Московской сценѣ высокое достоинство» ⁶²⁾. Въ этомъ—и самая лестная похвала, и точная общая характеристика таланта и дѣятельности Степанова. Два-три подробныхъ отзыва о свойствахъ таланта Степанова дадутъ возможность яснѣе представить его, какъ артиста.

Опредѣляя артистическое значеніе Степанова, одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ говоритъ: «Степановъ выказалъ свое необыкновенное умѣнье придавать личностямъ рельефную типичность, очерченную съ мастерскимъ штрихомъ вполне оригинальнаго художника. Никто лучше его не способенъ схватить извѣстный типъ, оригинальную или характеристическую личность и воспроизвести ихъ съ такою художественною вѣрностью, что тайна драматической иллюзіи приводитъ въ изумленіе критика, готовящагося анализировать эту удивительную игру. Степановъ носить на себѣ отпечатокъ классической строгости. По свойству своего таланта, онъ не способенъ къ глубокому психическому анализу, но отъ мельчайшихъ душевныхъ движеній до мельчайшихъ подробностей внѣшней характеристики по всей его роли проходитъ быстрый и вѣрный рѣзецъ истиннаго мастера. У него было нѣсколько неподражаемыхъ созданий: Тугоуховскій, судья, Никонъ, Ячница; бездна другихъ, гдѣ онъ двумя-тремя штрихами очерчиваетъ личность такъ, что она не выходитъ изъ памяти,—то благодаря комизму, то фантастическому характеру, то поразительной типичности» ⁶³⁾.

«Степановъ»,—читаемъ въ другомъ отзывѣ о немъ,—«могъ преобразаться въполнѣ,—и по фигурѣ, и по лицу, и по тону. Въ немъ русская сцена лиши-

⁶¹⁾ У Сосницкаго была тогда сломана рука.

⁶²⁾ С. Т. Аксаковъ. Разныя сочиненія. «Литературныя и театральныя воспоминанія». М. 1858. Стр. 111.

⁶³⁾ «Библиотека для Чтенія», 1864, № 2, статья Александра Иванова.

Бюстъ П. Г. Степанова,
работы скульптора И. П. Витали.
Изъ собранія А. А. Бахрушина.

лась единственнаго *прима* въ высшемъ смыслѣ термина или, лучше сказать, *типиста*, создателя характернѣйшихъ сценическихъ фигуръ. Врядъ-ли кто станетъ спорить, что этимъ искусствомъ онъ далеко превосходилъ и Садовскаго, и Шумскаго, и Павла Васильева, и Мартынова, и Самойлова. На нашей памяти въ репертуарѣ Степанова блистали такія яркія типовыя созданія, какъ Тугоуховскій, Ячница, Маломальскій, задѣльный мужикъ въ «Горькой судьбинѣ», частный приставъ въ «Мишурѣ»,—и столько другихъ!..» ⁶⁴⁾.

Эти отзывы достаточно опредѣленно обрисовываютъ артистическую личность Степанова, которая при нѣкоторыхъ дополненіяхъ и поправкахъ можетъ быть вполне выяснена.

Степановъ обладалъ сильнымъ и гибкимъ талантомъ, область примѣненія котораго была ограничена. Но нѣтъ никакихъ оснований утверждать, что специализація ролей у Степанова вызывалась ограниченностью его дарованія; обстоятельства сложились такъ, что развившаяся еще въ школѣ способность подражанія и копированія скоро нашла приложеніе на сценѣ въ исполненіи типическихъ ролей, а слава, утвердившаяся за нимъ въ первые же годы, какъ за «типистомъ» и «гримомъ», навѣсили на него извѣстный ярлыкъ специалиста. Сбросить съ себя этотъ ярлыкъ было тѣмъ труднѣе для Степанова, что артистическій его путь тормозили, какъ мы видѣли, служебныя препятствія. Такимъ-то вотъ образомъ, онъ во всю свою дѣятельность является исполнителемъ второстепенныхъ ролей. Это еще болѣе становится понятнымъ, когда мы примемъ во вниманіе отвращеніе Степанова отъ борьбы за закулисное существованіе, отъ погони за первостепенными ролями. Однако, Степановъ не былъ способенъ только на то «передразниванье, недостойное таланта», въ которомъ упрекалъ его критикъ по поводу исполненія имъ роли судьи, а

⁶⁴⁾ «Складчина», статья П. Д. Боборыкина о В. И. Живокини, стр. 697.

въ изображеніи его всѣ лица были «живыми»⁶⁵⁾, не рабски копированными, а «художественно-вѣрными»⁶⁶⁾, какъ указывается въ другихъ отзывахъ. Замѣчаніе критика, что Степановъ былъ «неспособенъ къ глубокому психическому анализу», могло на дѣлѣ казаться зрителю правильнымъ только потому, что артистъ не имѣлъ возможности проявить эту способность. «Глубокій психическій анализъ», какъ его понимаетъ критикъ, нельзя выразить въ исполненіи такихъ ролей, какъ Тугоуховскій, судья, Яичница, Никашка; тутъ только и возможенъ тотъ «глубокій психическій анализъ», который примѣняется не къ изображенію общечеловѣческихъ душевныхъ ощущеній, а къ отдѣльнымъ строго индивидуализированнымъ типамъ, т. е. то, что критикъ называетъ «быстрымъ и вѣрнымъ рѣзцомъ истиннаго мастера, проходящимъ отъ мельчайшихъ душевныхъ движеній до мельчайшихъ подробностей внѣшней характеристики». Степановъ лѣпилъ остовъ своего созданія изъ матеріала, который давали ему наблюденія, но онъ представлялъ ихъ на судъ зрителей не въ сыромъ, необработанномъ видѣ, а въ формѣ художественныхъ образовъ. Его задача была значительно труднѣе, чѣмъ тѣхъ артистовъ, которые располагали для своей работы обширнымъ матеріаломъ, даннымъ авторомъ; Степанову же приходилось создавать по легкимъ штрихамъ, по намекамъ, и часто онъ давалъ больше, чѣмъ предоставлялъ самъ авторъ.

Способность копировать была развита въ Степановѣ до крайнихъ предѣловъ, до перевоплощенія. Въ цѣломъ рядѣ превращеній-шутокъ проявлялъ Степановъ эту способность и внѣ сцены. Напримѣръ, одного изъ свѣтскихъ людей того времени, театрала и франта, Ивана Александровича Нарышкина, Степановъ копировалъ съ такимъ искусствомъ, что выйдя изъ театра садился въ дрожки Нарышкина и приказывалъ ѣхать, при чемъ кучеръ нисколько не сомнѣвался, что это его баринъ. Въ «Синичкинѣ» Степановъ въ видѣ графа Зефирова изображалъ графа Потемкина, съ точностью, доходившей до иллюзіи.

Ленскій въ своей «Кавалькадѣ артистовъ» писалъ:

Вотъ молодецъ изъ молодцовъ,
Степановъ, выродокъ природы,
Степановъ, богъ каррикатуры,
Онъ всѣхъ скопировать готовъ:

⁶⁵⁾ Статьи А. Н. Баженова: «Искусства, 1860, № 3.—«Антрактъ», 1864, 6-го сентября и 13-го ноября; 1865, № 110 и др.

⁶⁶⁾ «Библиотека для Чтенія», 1864, № 2, статья А. Иванова.

Онъ Ѳедоровъ и Ушаковъ,
Онъ и Нарышкинъ, и Тепловъ⁶⁷⁾.

Иногда для шутки Степановъ продѣлывалъ довольно сложныя имитации. Въ числѣ московскихъ его знакомыхъ былъ докторъ Берсъ⁶⁸⁾, братъ котораго, тоже докторъ, жилъ въ Петербургѣ. Уѣзжая какъ-то въ Петербургъ, Степановъ подержалъ пари съ московскимъ Берсомъ, что онъ явится къ его брату, и этотъ послѣдній, тоже его давнишній знакомый, не узнаетъ его. Приѣхавъ въ Петербургъ, Петръ Гавриловичъ утромъ пришелъ къ доктору, въ качествѣ пациента, и принялъ видъ какого-то старичка, знавшаго Берса въ дѣтствѣ. Докторъ побесѣдовалъ съ старичкомъ и, при прощаньи, вручилъ ему на бѣдность двугривенный. Вечеромъ Берсъ встрѣтился со Степановымъ въ театрѣ, очень ему обрадовался и началъ его расспрашивать, давно-ли онъ приѣхалъ и т. д.; тогда Степановъ показалъ ему двугривенный, напомнилъ утренняго пациента,—и, такимъ образомъ, пари было выиграно.

Легкость и быстрота, съ которыми Степановъ перерождался изъ одного лица въ другое, приводили всѣхъ въ изумленіе. Въ комедіи «Хоть тресни, а женись!» Степановъ въ одномъ и томъ же спектаклѣ игралъ два совершенно противоположные типа—Марфуриуса и Панкраса, чуть не моментально преобразаясь за кулисами. Превращенія свои Степановъ доводилъ до неузнаваемости. Какъ-то передъ представленіемъ «Свата Ѳаддѣича» поднялась за кулисами маленькая тревога: Степанова, всегда крайне аккуратнаго, не было, и роль лѣсника Гаврилы играть было некому. За кулисами на этотъ разъ былъ и самъ авторъ, Н. А. Чаевъ. Во время суматохи по поводу отсутствія Степанова, къ автору подходит капельдинеръ и говоритъ, что его спрашиваетъ какой-то мужикъ. Вводятъ его, онъ минутъ пять разговариваетъ съ Н. А. Чаевымъ,—и только тогда обнаруживается, что это никто иной, какъ Степановъ.

Была область сценическаго творчества, особенно сродная Степанову и имъ любимая: это—бытовые и народныя роли, исполнявшіяся имъ необыкновенно жизненно. Такія роли были въ его игрѣ, такъ сказать, пропитаны народнымъ духомъ; языкъ, приемы, особенности типовъ — все это носило на себѣ правдивую и яркую окраску народности и бытового склада.

Гримъ у Степанова всегда отличался типичностью и оригинальностью, и такія его созданія, какъ Тугоуховскій, Мизгирь, староста Семень Ивановъ,

⁶⁷⁾ «Русская Старина», 1880, № 10.

⁶⁸⁾ Впослѣдствіи тестъ графа Л. Н. Толстого.

Гримаса П. Г. Степанова.
Съ карандашнаго наброска Н. Н. Беккера.
Изъ собранія А. А. Вахрушина.

Никашка и много другихъ, могли бы служить классическими образцами въ отношеніи грима. Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось снимковъ Степанова въ роляхъ, — тогда это не было еще обыкновеніемъ. Мимическія способности Степанова были чрезвычайно развиты; отчасти объ этомъ можно судить по воспроизведенной здѣсь гримасѣ его ⁶⁹⁾. Своему лицу Степановъ могъ моментально придавать самыя разнообразныя выраженія лицъ различныхъ положеній, возрастовъ и половъ.

Надъ своими сценическими созданіями Степанову приходилось чрезвычайно много работать. Оно и понятно: самыя роли были такъ незначительны, давали такъ мало матеріала, что выдвигать ихъ на первый планъ можно было только послѣ самой тщательной ихъ разработки. Наблюдательность у Степанова, столь для него необходимая, была широко развита. Народные типы онъ наблюдалъ и изучалъ непосредственно; страстный охотникъ, онъ, бродя съ ружьемъ и собакой, никогда не упускалъ случая усвоить тѣ или инныя народныя черты. Любилъ Степановъ также толкаться въ толпѣ, прислушиваться къ говору, примкнуть къ какому-нибудь сборищу и вступить въ общую бесѣду. Какія старанія прилагалъ Степановъ къ изученію ролей, можно видѣть хотя бы, на примѣръ, изъ подготовки его къ роли короля Фридриха, о чемъ уже рассказано выше. Все, что можно было сдѣлать въ интересахъ создаваемого лица, онъ дѣлалъ, прилагая къ этому самый добросовѣстный трудъ, самую тщательную работу.

Степановъ любилъ искусство, любилъ театръ и служилъ имъ, напрягая всѣ свои силы. Но былъ-ли онъ вполне удовлетворенъ тѣмъ, что давала ему сцена? Отвѣтъ на это уже можно было вывести изъ предыдущаго. Если общество признало, что Степановъ недостаточно вознагражденъ матеріально и нравственно, и своимъ сочувствіемъ желало до нѣкоторой степени поправить эту несправедливость, то, безъ сомнѣнія, въ его артистическомъ сознаніи всегда жила мысль объ этомъ: онъ считалъ себя обиженнымъ, обойденнымъ; такимъ считали его и другіе, даже товарищи, какъ, на примѣръ, Щепкинъ. Степановъ, однако, не заявлялъ этого открыто; это являлось бы

⁶⁹⁾ Рисунокъ гримасы сдѣланъ артистомъ Н. Н. Беккеромъ съ натуры.

противорѣчіемъ той скромности, тому отсутствію сомнѣнія, которыя были основными качествами его характера.

Какъ человѣкъ, Степановъ представлялъ собою незаурядное явленіе въ закулисномъ мірѣ. Съ самаго ранняго дѣтства весь складъ жизни, вся совокупность вліяній были благоприятны для развитія и укрѣпленія въ немъ нравственныхъ основъ высокаго качества. Строй семьи, въ которой росъ Степановъ, воспиталъ въ немъ безсознательно добрыя чувства и честныя правила. Его отецъ, Синявская, Львова-Синецкая, сестры Татьяна и Аграфена Гавриловны, — вотъ лица, оказавшія на него вліяніе въ годы его дѣтства и юности; а всѣ они были добрыя, сердечныя, скромныя, жившія «по Божьи» въ своей личной жизни и вносившія тѣ же качества въ отношенія къ другимъ людямъ. Трудлюбивая семья приучила его смотрѣть на жизнь серьезно, воспитала уваженіе къ труду и сознаніе его необходимости. Эти основы не разрушила въ немъ школа, съ ея отрицательными нравами и порядками, потому что Степановъ никогда не прерывалъ связи съ семьей и, уйдя въ школу изъ семьи, пришелъ изъ школы опять въ семью. Закулисная жизнь въ этомъ отношеніи также не оказала на него развращающаго вліянія.

Степановъ отличался недюжиннымъ умомъ. Ему были доступны идеи и общій строй мыслей образованныхъ людей. Всему доброму, связанному съ просвѣщеніемъ, онъ искренно сочувствовалъ. Самъ онъ очень любилъ читать. Въ житейскомъ обиходѣ Степановъ держался неуклонно правилъ порядочности, деликатности. Благородство его не было натянуто, но являлось слѣдствіемъ свойствъ его натуры и характера. Отсюда же вытекали его доброта, мягкость, веселое настроеніе. Остроуміемъ своимъ Степановъ славился. Общій тонъ его умственно-нравственнаго склада дѣлалъ его человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ.

По внѣшности Степановъ представлялъ собою не менѣе симпатичную личность. Его большая голова ⁷⁰⁾, въ молодости покрытая каштановыми волосами, но скоро облысѣвшая, держалась на статной и плотной фигурѣ роста выше средняго. Лицо у него было открытое, съ крупными и правильными чертами, съ живыми и добрыми сѣрыми глазами. Бюстъ Степанова, изваянный его хорошимъ знакомымъ, извѣстнымъ скульпторомъ И. П. Витали, и представляемый здѣсь въ снимкѣ (см. стр. 79), довольно вѣрно передаетъ черты его лица.

Однимъ изъ отличительныхъ качествъ Степанова была его любовь къ

⁷⁰⁾ Голова Степанова имѣла 14 вершковъ въ окружности.

семьѣ, и, какъ семьянинъ, онъ могъ считаться образцовымъ. Въ семьѣ онъ проводилъ большую часть своего времени, отдыхая, занимаясь изученіемъ ролей и дѣлами по магазину. Женился Степановъ въ 1843 году на С. П. Борегаръ. Отъ этого брака было у него нѣсколько человѣкъ дѣтей. Одна изъ дочерей Степанова, Вѣра Петровна, уже послѣ смерти отца, молоденькой дѣвушкой, поступила на сцену Московскаго Малаго театра и скоро обнаружила задатки большого дарованія, въ особенности на бытовые роли. По семейнымъ обстоятельствамъ, сложившимся для нея впослѣдствіи крайне несчастливо, В. П. Степанова, однако, скоро оставила сцену; но затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, она снова вступила въ театръ, на этотъ разъ въ труппу О. А. Корша. Эту артистку съ несомнѣннымъ дарованіемъ отняла у русской сцены преждевременная смерть ⁷¹⁾. Въ семьѣ Степанова до самой смерти жили его мать и сестры; подъ его вліяніемъ воспиталась для сцены и Н. В. Рыкалова.

Общество, въ которомъ вращался Степановъ, состояло главнымъ образомъ изъ тѣснаго кружка его близкихъ, хорошихъ знакомыхъ. Театральный міръ не манилъ его къ себѣ; всѣмъ извѣстные закулисные недуги не отравляли его своимъ заразительнымъ ядомъ. Чуждый лести, искательства, Степановъ былъ чуждъ зависти и интригъ; онъ шелъ прямымъ путемъ; кривая дорога его не привлекала, какія бы не обѣщала она выгоды. Свойства закулисной жизни и закулисныхъ отношеній и послужили для него причиной отказа отъ режиссерства. Это не значило, однако, что Степановъ жилъ какимъ-то отшельникомъ. Онъ никогда не прерывалъ отношеній съ своими товарищами по сценѣ; но близкихъ людей между ними у него было очень немного. Съ самой ранней молодости Степановъ близко стоялъ къ Щепкину и его семьѣ. Мочаловъ,—самъ честный и благородный,—очень любилъ Степанова. Изъ своихъ школьныхъ товарищей Степановъ до конца жизни оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Никифоровымъ; съ тѣми же изъ нихъ, кто въ жизни пошелъ не прямо, а вкривъ и вкось, онъ скоро разошелся и сохранялъ съ ними лишь отношенія простаго знакомаго. Въ театральномъ кругу большимъ его пріятелемъ былъ Купфершмидтъ, о которомъ сказано выше; это былъ истинно хорошій человѣкъ и «человѣкъ на всѣ руки». О немъ Ленскій въ своей «Кавалькадѣ артистовъ» писалъ:

Еще вотъ нѣмецъ Купфершмидтъ.
Онъ нашъ запасный магазейнъ, —
Mit ihm man kann zufrieden sein, —

⁷¹⁾ В. П. Степанова скончалась въ Москвѣ, 8-го февраля 1897 года.

Онъ что угодно смастерить.
Ремень порвется — прикрѣпить
И лошадей вамъ напоить.

Степановъ также никогда не чуждался общества своихъ товарищей и принималъ участіе въ разныхъ собраніяхъ, поѣздкахъ и т. д.; кавалькады артистовъ за городъ, напумѣвшія въ свое время, были задуманы и приведены въ исполненіе имъ и нѣсколькими его товарищами. Степановъ, не только никогда не упивавшійся виномъ, но и совсѣмъ не пившій, ѣзжалъ даже съ Мочаловымъ на его Мытищенскіе пикники. За кулисами около Ленскаго и Степанова всегда собирался кружокъ, чутко прислушивавшійся къ ихъ каламбурамъ и остроумнымъ разговорамъ. Въ извѣстной «литературной кофейнѣ» Печкина Степановъ бывалъ часто, и такъ какъ возліяній Бахусу не дѣлалъ, то поглощалъ въ изобиліи свои любимые сладкіе пирожки. Изъ петербургскихъ артистовъ теплыя отношенія связывали его съ И. И. Сосницкимъ; во время пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ Степановъ всегда останавливался у Сосницкаго, какъ въ родномъ домѣ. Близокъ онъ очень былъ и съ товарищемъ своего самаго ранняго дѣтства, А. А. Краевскимъ. Съ В. В. Самойловымъ у него также поддерживались всегда хорошія отношенія. Въ провинцію Степановъ играть никогда не ѣздилъ: по его убѣжденію, это «не слѣдъ» было дѣлать.

Въ послѣдніе годы жизни здоровье Петра Гавриловича стало слабѣть, а за годъ передъ смертью доктора предписали ему совершенно спокойный образъ жизни: аневризму подстерегалъ удобную минуту. Въ зимнемъ сезонѣ 1868—1869 гг. Степановъ игралъ до самаго послѣдняго дня масляницы; порывался онъ сдѣлать тоже и въ весеннемъ сезонѣ, но Н. В. Рыкалова, оберегавшая его, отсовѣтовала ему это дѣлать. 12-го мая 1869 года Степановъ поѣхалъ въ Малый театръ посмотреть на репетицію; возвращаясь домой, онъ у самаго подѣзда почувствовалъ себя дурно и, когда его внесли въ квартиру, жизнь его кончилась. Похоронили Степанова на Ваганьковскомъ кладбищѣ ⁷²⁾.

Въ лицѣ Петра Гавриловича Степанова сошелъ въ могилу одинъ изъ артистовъ, «придававшихъ Московской сценѣ высокое достоинство». Этой

⁷²⁾ Могила П. Г. Степанова находится отъ входа въ лѣвой части кладбища, въ глубинѣ второй боковой дорожки. Рядомъ съ нимъ погребена дочь его, В. П. Степанова, и другія его дѣти.

заслуги достаточно, чтобъ имя его сохранилось въ исторіи русскаго театра. вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь, и дѣятельность Степанова могутъ служить поучительнымъ примѣромъ для грядущихъ поколѣній дѣятелей русской сцены. «Большой актеръ на маленькія роли», Степановъ своею дѣятельностью доказалъ ту истину, что «нѣтъ плохихъ ролей, а есть плохіе актеры», что постоянный и добросовѣстный трудъ — необходимая опора служителя искусства, на какой бы ступени закулисной іерархіи онъ не стоялъ.

Придетъ пора, когда въ русскомъ артистѣ, какъ массовой единицѣ, разовьется сознательная любовь къ искусству и своему дѣлу, когда онъ пойметъ необходимость черпать въ примѣрахъ прошлаго уроки для своего настоящаго, и тогда симпатичный образъ Степанова, какъ артиста и человѣка, предстанетъ дѣятелямъ русской сцены живымъ свидѣтельствомъ того, какъ надо жить, работать и любить искусство, чтобы театръ и его служители были достойны своего высокаго назначенія.

Алексѣй Яцевъ.

Портретъ-горельефъ П. Г. Степанова.
Изъ собранія А. А. Вахрушина.